

9051

В. ПЛЕХАНОВЪ.

НОВЫЙ ЗАЩИТНИКЪ
≡ САМОДЕРЖАВІЯ ≡
≡≡≡ ИЛИ ≡≡≡
ГОРЕ Г. ТИХОМИРОВА.

Книгоиздательство

Маріи Малыхъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Вас. островъ, 10 линія, д. 43.

Цѣна 15 коп.



Г. В. ПЛЕХАНОВЪ.

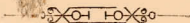
НОВЫЙ ЗАЩИТНИКЪ
САМОДЕРЖАВІЯ

ИЛИ

Томе 2. Тихомирова.

(Перепечатано съ перваго женевскаго изданія).

Приложеніе къ журналу „СОКОЛЬ“, № 3.



Редакторъ-издательница М. Малыхъ.
СПБ., Садовая, 119.

1180
«Центральная» Типо-Лит. М. Я. Минкова, Спб., 3 Рождеств. 26.

I.

Если бы г. Тихомировъ отличался неразборчивымъ славолобіемъ Герострата, то онъ, конечно, благословилъ бы тотъ день и часъ, когда ему пришло въ голову написать брошюру «Почему я пересталъ быть революціонеромъ». Она обратила на него всеобщее вниманіе. Его и прежде не малая извѣстность возросла въ огромной степени. Но г. Тихомировъ не принадлежитъ къ числу людей, способныхъ удовольствоваться славой безумнаго грека. Онъ стремится *поучать*, а не *удивлять*, или, если хотите, ему нужно *удивить* читателя *поучительностью* своей исторіи и необычайной зрѣлостью своихъ политическихъ тенденцій, тѣми «вполнѣ сложившимися идеями общественнаго порядка и твердой государственной власти», которыя «издавна отличали» его въ революціонной средѣ *). Конечно, и онъ не отказывается бичевать себя за свои прошлыя революціонныя заблужденія. Подобнаго отказа не допускаетъ «вполнѣ сложившійся» ритуаль обращенія революціонера на путь истины. Но г. Тихомировъ весьма ловко продѣлываетъ неизбежный обрядъ самобичеванія. Дѣлая видъ, что заноситъ руку на самого себя, онъ ухитряется хлестнуть своихъ бывшихъ товарищей, революціонеровъ вообще, ту революціонную «кружковщину», которая могла временно «связать и положить» даже его, столь замѣчательнаго человѣка. Приличіе соблюдается вполнѣ, а въ то же время самобичеваніе не только не причиняетъ нашему кающемуся автору никакой боли, но является для него пріятнымъ упражненіемъ, которое даетъ ему возможность порисоваться передъ публикой. Иной вульгарный потрясатель основъ кается съ

*) «Почему я пересталъ быть революціонеромъ». Стр. 11.

грубымъ простодушіемъ совершенно неблаговоспитаннаго чело-
ловѣка. Я вспоминаю одного изъ подсудимыхъ по дѣлу Петра-
шевскаго. Онъ каялся не совсѣмъ изящно и совсѣмъ не расче-
тливо. Пріятно ли выслушивать подобныя признанія? А вѣдь
все дѣло въ томъ, чтобы склонить къ милосердію. Г. Тихоми-
ровъ ведетъ себя иначе. Онъ не даромъ много писалъ на
своемъ вѣку: онъ умѣетъ владѣть словомъ. Онъ такъ хитро-
умно слагаетъ свой покаянный псаломъ, что тотъ одновременно
представляетъ собою и побѣдную пѣснь по случаю одолѣнія
г. Тихомировымъ революціонной гидры, и хвалебный гимнъ въ
честь русскаго самодержавія... а также, кстати, и въ честь
самого г. Тихомирова. Растроганному и примиренному само-
державію остается лишь заключить своего блуднаго сына въ
свой объятія и распорядиться на счетъ закланія упитаннаго
теляца для торжественнаго празднества. «Бестія, нашъ братъ,
русскаго челоувѣка!» воскликнулъ однажды Бѣлинскій. Ему слѣ-
довало сказать: «Бестія, нашъ братъ, писатель!»

Говоря серьезно, мы не знаемъ, насколько жиренъ телець,
котораго собираются заколотъ по случаю пробужденія вѣрнопод-
данническихъ чувствъ въ сердца г. Тихомирова. Но что уже дѣ-
лаются нѣкоторыя приготовленія къ празднеству,—это пока-
зываетъ зависть, обуявшая добрыхъ, никогда не бунтовавшихъ
сыновъ русскаго самодержавія. Чувство это нашло свое выраже-
ніе на страницахъ «Русскаго Вѣстника», который упорно не же-
лаетъ помириться съ г. Тихомировымъ и сердито ворчитъ на
«петербургскія канцеляріи» за ихъ слишкомъ снисходительное
отношеніе къ бывшему террористу. Не помогли, значить, и ком-
плименты Каткову! Надо думать, что попечительное начальство
не замедлитъ вразумить редакцію названнаго журнала, напо-
нивъ ей мораль притчи о блудномъ сынѣ. Тѣмъ не менѣе, вы-
ходки «Русскаго Вѣстника» всетаки отравятъ г. Тихомирову
пріятную минуточку примиренія съ «твердой властью».

Если бы не «Русскій Вѣстникъ», то г. Тихомировъ считалъ
бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Онъ чрезвычайно до-
воленъ собою и своей метаморфозой. Онъ «приглашаетъ колеб-
лющихся и нерѣшительныхъ» обратить на нее большое вниманіе
и, заранѣе увѣренный въ ихъ восторженныхъ одобреніяхъ, онъ
даритъ ихъ цѣлою коллекціей совѣтовъ, содержащихъ въ себѣ

замѣчательно оригинальныя и дѣльныя мысли. Онъ говоритъ имъ, что нужно учиться, думать, не увлекаться фразами и т. п. Представимъ же себѣ, что мы принадлежимъ къ числу «колеблющихся и нерѣшительныхъ» и «обратимъ вниманіе» на пережитую нашимъ авторомъ метаморфозу. Исторія этой метаморфозы разсказана въ брошюрѣ «Почему я пересталъ быть революціонеромъ».

II.

«У насъ, да и не только у насъ,—говоритъ г. Тихомировъ,—глубоко укоренилась мысль, будто мы живемъ въ какомъ-то «періодѣ разрушенія», который, какъ вѣрують, кончится страшнымъ переворотомъ, съ рѣками крови, трескомъ динамита и т. п. За симъ—предполагается—начнется «періодъ созидательный». Эта социальная концепція совершенно ошибочна, и, какъ уже замѣчалось, составляетъ просто политическое отраженіе старыхъ идей Кювье и школы внезапныхъ геологическихъ катастрофъ. На самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительной жизни разрушеніе и созиданіе идутъ рука объ руку и даже немислимы одно безъ другого. Разрушеніе одного явленія происходитъ собственно оттого, что въ немъ, на его мѣстѣ, создается нѣчто другое и, наоборотъ, формированіе новаго есть ничто иное, какъ разрушеніе стараго *)».

Заключающаяся въ этихъ словахъ «концепція» не поражаетъ большою ясностью, но во всякомъ случаѣ смыслъ ихъ можетъ быть сведенъ къ двумъ положеніямъ:

1) «У насъ, да и не только у насъ» революціонеры не имѣютъ никакого понятія объ *эволюціи*, о постепенномъ «измѣненіи типа явленій», какъ выражается г. Тихомировъ въ другомъ мѣстѣ.

2) Если бы они имѣли понятіе объ эволюціи, о постепен-

*) «Почему я пересталъ быть революціонеромъ». Стр. 13.

номъ «измѣненіи типа явленій», то не воображали бы, «будто мы живемъ въ какомъ-то періодѣ разрушенія».

Посмотримъ сначала, какъ обстоитъ дѣло на этотъ счетъ *не у насъ*, т. е. на Западѣ.

Въ настоящее время тамъ существуетъ, какъ извѣстно, революціонное движеніе рабочаго класса, который стремится къ своему экономическому освобожденію. Спрашивается, удалось ли теоретическимъ представителямъ этого движенія, т. е. *соціалистамъ*, согласить свои революціонныя стремленія со сколько-нибудь удовлетворительной теоріей общественнаго развитія?

На этотъ вопросъ, не колеблясь, отвѣтитъ утвердительно всякій, кто имѣетъ хоть какое-нибудь понятіе о современномъ соціализмѣ. Всѣ серьезные соціалисты въ Европѣ и Америкѣ держатся ученія Маркса, а кому же не извѣстно, что это ученіе есть прежде всего ученіе о развитіи человѣческихъ обществъ? Марксъ былъ горячимъ сторонникомъ «революціонной дѣятельности». Онъ глубоко сочувствовалъ *всякому* революціонному движенію, направленному противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ порядковъ. Можно, если угодно, не раздѣлять столь «разрушительныхъ» симпатій; но ужъ, конечно, изъ существованія ихъ нельзя дѣлать того вывода, что воображеніе Маркса было «фиксировано на насильственныхъ переворотахъ», что онъ забывалъ о соціальной эволюціи, о медленномъ, постепенномъ развитіи. Марксъ не только не забывалъ объ эволюціи, но, напротивъ, открылъ многіе изъ важнѣйшихъ ея законовъ. Въ его умѣ исторія человѣчества впервые сложилась въ одну стройную, нефантастическую картину. Онъ первый показалъ, что *экономическая эволюція ведетъ къ политическимъ революціямъ*. Благодаря ему, современное революціонное движеніе получило ясно намѣченную цѣль и строго выработанную теоретическую основу. Но если это такъ, то почему же г. Тихомировъ воображаетъ, что нѣсколькими безсвязными фразами объ общественномъ «созиданіи» онъ можетъ показать несостоятельность революціонныхъ стремленій, «у насъ, да и не только у насъ» существующихъ? Не потому ли, что онъ не далъ себѣ труда понять ученіе современныхъ соціалистовъ?

Г. Тихомировъ чувствуетъ теперь отвращеніе къ «внезапнымъ катастрофамъ» и «насильственнымъ переворотамъ». Это

въ концѣ концовъ его дѣло: въ этомъ случаѣ онъ не первый и не послѣдній. Но напрасно онъ думаетъ, что «внезапныя катастрофы» невозможны ни въ природѣ, ни въ человѣческихъ обществахъ. Во-первыхъ, «внезапность» подобныхъ катастрофъ есть представленіе относительное. *Внезапное* для одного можетъ быть вовсе *не* внезапнымъ для другого: солнечныя затменія наступаютъ внезапно для невѣжды и вовсе не внезапно для астронома. Совершенно также и революціи; эти политическія «катастрофы», случаются «внезапно» для невѣждъ и для великаго множества самодовольныхъ филистеровъ, но очень часто бываютъ совсѣмъ не внезапными для человѣка, отдающаго себѣ отчетъ въ окружающихъ его общественныхъ явленіяхъ. Во-вторыхъ, если бы г. Тихомировъ попробовалъ взглянуть на природу и на исторію съ точки зрѣнія усвоенной имъ теперь теоріи, то его ожидалъ бы цѣлый рядъ самыхъ поразительныхъ сюрпризовъ. Онъ твердо запомнилъ, что природа скачковъ не дѣлаетъ, что, покидая міръ революціонныхъ фантазій и опускаясь на почву дѣйствительности, можно «въ научномъ смыслѣ» говорить только о медленномъ «измѣненіи типа даннаго явленія», а между тѣмъ природа скачетъ, не слушая никакихъ филиппикъ противъ «внезапности». Г. Тихомировъ прекрасно знаетъ, что «старыя идеи Кювье» ошибочны, и что «внезапныя геологическія катастрофы» представляютъ собой не болѣе, какъ ученую выдумку. Онъ беззаботно проживаетъ, положимъ, на югѣ Франціи, не предвидя ни тревогъ, ни опасностей. И вдругъ—землетрясеніе, подобное случившемуся тамъ года два назадъ. Почва колеблется, дома разрушаются, жители бѣгутъ, объятые ужасомъ, ну, словомъ, происходитъ настоящая «катастрофа», означающая невѣроятное легкомысліе въ матери-природѣ! Наученный горькимъ опытомъ, г. Тихомировъ внимательно провѣряетъ свои геологическія понятія и приходитъ къ тому выводу, что медленное «измѣненіе типа явленія» (въ данномъ случаѣ состоянія земной коры) не исключаетъ «переворотовъ», которые съ извѣстной точки зрѣнія могутъ, пожалуй, показаться «внезапными» или «насильственными» *).

*) Изъ того, что наука опровергла геологическія ученія Кювье, еще не слѣдуетъ, что она вообще показала невозмож-

Г. Тихомировъ кипятитъ воду, которая не перестаетъ быть водой, не увлекается никакими внезапностями, нагрѣваясь отъ нуля до 80 градусовъ. Но вотъ она нагрѣлась до рокового предѣла и вдругъ—о ужасъ! «внезапная катастрофа»: вода превращается въ паръ, какъ будто бы воображеніе ея было «фиксировано на насильственныхъ переворотахъ».

Г. Тихомировъ *охлаждаетъ* воду, и тутъ опять повторяется та же странная исторія. Постепенно измѣняется температура воды, при чемъ вода не перестаетъ быть водою. Но вотъ охлажденіе дошло до нуля, и вода превращается въ ледъ, совершенно не помышляя о томъ, что «внезапные перевороты» представляютъ собою «ошибочную концепцію».

Г. Тихомировъ наблюдаетъ развитіе одного изъ насѣкомыхъ, переживающихъ метаморфозы. Медленно совершается процессъ развитія куколки, и до поры до времени она остается куколкой. Нашъ мыслитель потираетъ руки отъ удовольствія. «Здѣсь все идетъ хорошо,—думаетъ онъ,—ни общественный, ни животный организмъ не испытываютъ такихъ внезапныхъ переворотовъ, какіе мнѣ пришлось замѣтить въ неорганическомъ мірѣ. Возвышаясь до созданія живыхъ существъ, природа остепеняется». Но скоро радость его уступаетъ мѣсто огорченію. Въ одинъ прекрасный день куколка совершаетъ «насильственный переворотъ» и является на свѣтъ Божій въ видѣ бабочки. Такимъ образомъ, г. Тихомирову приходится убѣдиться, что и органическая природа не застрахована отъ «внезапностей».

Точно также, если г. Тихомировъ когда-нибудь серьезно «обратить вниманіе» на свою собственную «эволюцію», то онъ,

ность геологическихъ «катастрофъ» или «переворотовъ». Этого она не могла показать, не противорѣча такимъ общеизвѣстнымъ явленіямъ, какъ изверженія вулкановъ, землетрясенія и т. п. Задача науки заключалась въ томъ, чтобы объяснить эти явленія, какъ продуктъ накопленнаго дѣйствія тѣхъ естественныхъ силъ природы, медленное вліяніе которыхъ мы въ малыхъ размѣрахъ можемъ наблюдать въ каждое данное время. Иначе сказать, геологія должна была объяснить *революции*, переживаемыя земной корой, съ помощью *эволюции* этой коры. Съ подобной же задачей приходилось считаться и общественной наукѣ, которая, въ лицѣ Гегеля и Маркса, рѣшила ее такъ же удачно, какъ и геологія.

навѣрное, и въ ней найдеть подобную точку поворота или «переворота». Онъ припомнить, какая именно капля переполнила чашу его впечатлѣній и превратила его изъ болѣе или менѣе колеблющагося *защитника* «революціи» въ ея болѣе или менѣе искренняго *противника*.

Мы съ г. Тихомировымъ упражняемся въ ариѳметическомъ сложеніи. Мы беремъ число *пять* и, какъ люди солидные, «*постепенно*» прибавляемъ къ нему по единицѣ: шесть, семь, восемь... До девяти все обстоитъ благополучно. Но какъ только мы рѣшаемся увеличить это послѣднее число еще на единицу, съ ними происходитъ несчастье: наши *единицы*

Вдругъ, безъ всякихъ причинъ благовидныхъ превращаются въ *десятокъ*. Такое же горе приходится намъ пережить при переходѣ *отъ десятокъ къ сотнѣ*.

Музыкой мы съ г. Тихомировымъ совсѣмъ заниматься не станемъ: тамъ слишкомъ много всякихъ «внезапныхъ» переходовъ, и это обстоятельство можетъ привести въ разстройство всѣ наши «концепціи».

На всѣ запутанныя разсужденія г. Тихомирова о «насильственныхъ переворотахъ» современные революціонеры могутъ побѣдоносно возразить однимъ простымъ вопросомъ: какъ же прикажете быть съ тѣми переворотами, которые уже имѣли мѣсто въ «дѣйствительной жизни», и которые, во всякомъ случаѣ, представляютъ собою «періодъ разрушенія»? Объявить ли намъ ихъ—*puls et non aventus* или считать дѣлами такихъ пустыхъ и вздорныхъ людей, на поступки которыхъ серьезному «соціологу» не стоитъ обращать вниманія? Но вѣдь какъ тамъ ни смотри на эти явленія, а надо же признать, что случались въ исторіи насильственные перевороты и политическія «катастрофы». Почему г. Тихомировъ думаетъ, что допускать возможность подобныхъ явленій въ будущемъ—значить имѣть «ошибочныя соціальныя концепціи»?

Исторія скачковъ не дѣлаетъ! Это совершенно вѣрно. Но съ другой стороны, вѣрно также и то, что исторія надѣлала множество «скачковъ», совершила массу насильственныхъ «переворотовъ». Примѣры такихъ переворотовъ безчисленны. Что же значить это противорѣчіе? Оно означаетъ только то, что первое изъ этихъ положеній формулировано не совсѣмъ точно,

а потому и понимается многими неправильно. Слѣдовало бы сказать, что исторія не дѣлаетъ неподготовленныхъ скачковъ. Ни одинъ скачекъ не можетъ имѣть мѣста безъ достаточной причины, которая заключается въ предыдущемъ ходѣ общественнаго развитія. Но такъ какъ это развитіе никогда не останавливается въ прогрессирующихъ обществахъ, то можно сказать, что исторія постоянно занимается подготовкой скачковъ и переворотовъ. Она прилежно и неуклонно дѣлаетъ это дѣло, она работаетъ медленно, но результаты ея работы (скачки и политическія катастрофы) неотвратимы и неизбѣжны.

Медленно совершается «измѣненіе типа» французской буржуазіи. Горожанинъ эпохи регенства не похожъ на горожанина временъ Людовика XI-го, но въ общемъ онъ все-таки остается вѣренъ типу буржуа стараго режима. Онъ сдѣлался богаче, образованнѣе, требовательнѣе, но не пересталъ быть *roturier*, который всегда и всюду долженъ давать дорогу аристократу. Но вотъ наступаетъ 1789 г., буржуа гордо подымаетъ голову; проходить еще нѣсколько лѣтъ, и онъ становится господиномъ положенія, да вѣдь какимъ образомъ становится! — «съ рѣками крови», съ громомъ барабановъ, съ «трескомъ» пороха, если не динамита, въ то время еще не изобрѣтеннаго. Онъ заставляетъ Францію пережить настоящій «періодъ разрушенія», ни мало не заботясь о томъ, что современемъ найдется, можетъ быть, педантъ, который объявитъ насильственные перевороты «ошибочной концепціей».

Медленно измѣняется «типъ» русскихъ общественныхъ отношеній. Исчезаютъ удѣльные княжества, бояре окончательно подчиняются царской власти и становятся простыми членами служилаго сословія. Москва покоряетъ татарскія царства, приобрѣтаетъ Сибирь, присоединяетъ къ себѣ половину южной Руси, но все-таки остается старой азіатской Москвою. Является Петръ и совершаетъ «насильственный переворотъ» въ государственной жизни Россіи. Начинается новый, европейскій періодъ русской исторіи. Славянофилы ругали Петра антихристомъ именно за «внезапность» сдѣланнаго имъ переворота. Они утверждали, что въ своемъ реформаторскомъ рвеніи онъ позабылъ объ эволюціи, о медленномъ «измѣненіи типа» общественнаго строя. Но всякій мыслящій человекъ легко сообразитъ, что петровскій пере-

воротъ былъ необходимъ въ силу пережитой Россіей исторической «эволюціи», что онъ былъ *подготовленъ* ею.

Количественная измѣненія, постепенно накопляясь, переходятъ наконецъ въ качественныя. Эти переходы совершаются скачками и не могутъ совершаться иначе. Политическіе постепеновцы всѣхъ цвѣтовъ и отѣнковъ, Молчалины, возводящіе въ догматъ умѣренность и аккуратность, никакъ не могутъ понять этого обстоятельства, давно уже прекрасно выясненнаго нѣмецкой философій. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, полезно припомнить взглядъ Гегеля, котораго, конечно, трудно было бы обвинить въ пристрастіи къ «революціонной дѣятельности». «Когда хотятъ понять *возникновеніе* или *исчезновеніе* чего-либо—говоритъ онъ—то воображаютъ обыкновенно, что уясняютъ себѣ дѣло посредствомъ представленія о *постепенности* такого возникновенія или уничтоженія. Однако, измѣненія, бытія совершаются не только путемъ перехода одного количества въ другое, но также путемъ перехода качественныхъ различій въ количественныя и наоборотъ—того перехода, который *прерываетъ постепенность*, ставя на мѣсто одного явленія другое, качественно отличное отъ него. Въ основѣ ученія о постепенности лежитъ представленіе о томъ, что возникающее уже существуетъ въ дѣйствительности и незамѣтно, лишь благодаря своимъ малымъ размѣрамъ. Точно также, говоря о постепенномъ уничтоженіи, воображаютъ, будто небытіе даннаго явленія или то новое явленіе, которое должно занять его мѣсто, уже существуетъ, хотя пока еще незамѣтно... Но такимъ образомъ устраняется всякое понятіе о возникновеніи и уничтоженіи... Объяснять возникновеніе или уничтоженіе постепенностью измѣненія — значить сводить все дѣло къ скучной тавтологіи и представлять себѣ возникающее или уничтожающееся уже въ готовомъ видѣ», т. е. *уже возникшимъ* или *уничтожившимся* *). Значить, если вамъ нужно объяснить возникновеніе государства, то вы просто на просто воображаете себѣ микроскопическую государственную организацію, которая, постепенно измѣняясь въ своемъ объемѣ, даетъ, наконецъ, «обы-

*) Wissenschaft der Logik, erster Band, s. s. 313—314. Мы цитируемъ по нюренбергскому изданію 1812 года.

вателямъ» почувствовать свое существованіе. Точно также, если вамъ нужно объяснить исчезновеніе первобытныхъ родовыхъ отношеній, то вы даете себѣ трудъ вообразить маленькое небогіе этихъ отношеній, — и дѣло въ шляпѣ. Само собою разумѣется, что съ такими приѣмами мышленія въ наукѣ далеко не уѣдешь. Одна изъ величайшихъ заслугъ Гегеля заключается въ томъ, что онъ очистилъ ученіе о развитіи отъ подобныхъ нелѣпостей. Но какое дѣло г. Тихомирову до Гегеля и до его заслугъ! Онъ разъ навсегда затвердилъ, что западныя теоріи къ намъ непримѣнимы.

Вопреки мнѣнію нашего автора о насильственныхъ переворотахъ и политическихъ катастрофахъ, мы съ увѣренностью скажемъ, что въ настоящее время исторія подготавливаетъ въ передовыхъ странахъ чрезвычайно важный переворотъ, относительно котораго есть всѣ основанія думать, что онъ совершится насильственно. Онъ будетъ состоять въ измѣненіи способа распределенія продуктовъ. Экономическая эволюція создала колоссальныя производительныя силы, которыя для своего употребленія въ дѣло требуютъ совершенно опредѣленной организаціи производства. Онѣ примѣнимы только въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, основанныхъ на коллективномъ трудѣ, на общественномъ производствѣ. Но въ рѣзкомъ противорѣчій съ этимъ общественнымъ способомъ *производства* стоитъ индивидуальное *присвоеніе* продуктовъ, выросшее при совершенно иныхъ экономическихъ условіяхъ, въ эпоху процвѣтанія мелкой промышленности и мелкой земельной культуры. Продукты общественнаго труда работниковъ поступаютъ, такимъ образомъ, въ частную собственность предпринимателей. Этимъ кореннымъ экономическимъ противорѣчіемъ обуславливаются всѣ другія общественныя и политическія противорѣчія, замѣчаемая въ современныхъ обществахъ. И это коренное противорѣчіе становится все болѣе и болѣе интенсивнымъ. Предприниматели не могутъ отказать отъ общественной организаціи производства, потому что въ ней заключается источникъ ихъ богатства. Напротивъ, конкуренція заставляетъ ихъ распространять эту организацію на другія отрасли промышленности, въ которыхъ она прежде не имѣла мѣста. Крупныя промышленныя предпріятія убиваютъ мелкихъ производителей и, такимъ образомъ, увеличиваютъ численность, а слѣдовательно, и силу рабочаго класса. Роковая раз-

вязка приближается. Чтобы устранить вредное для нихъ противорѣчiе между способомъ производства продуктовъ съ одной стороны и способомъ ихъ распредѣленiя съ другой—рабочiе должны будутъ овладѣть политической властью, которая фактически находится теперь въ рукахъ буржуазiи. Если угодно, вы можете сказать, что рабочiе должны будутъ совершить «политическую катастрофу». *Экономическая эволюцiя* роковымъ образомъ ведетъ къ *политической революцiи*, а эта послѣдняя будетъ, въ свою очередь, источникомъ важныхъ измѣненiй въ экономическомъ строѣ общества. Способъ *производства* продуктовъ медленно и постепенно принимаетъ общественный характеръ. Соответствующiй ему способъ *присвоенiя ихъ* явится результатомъ насильственного переворота.

Такъ происходитъ историческое движенiе *не у насъ*, а на Западѣ, о социальномъ бытѣ котораго г. Тихомировъ не имѣетъ никакой «концепцiи», хотя и занимался «наблюденiемъ могучей французской культуры».

Насильственные перевороты, «рѣзки крови», топоры и плахи, порохъ и динамитъ—все это весьма печальныя «явленiя». Но что же прикажете дѣлать, если они неизбѣжны. Сила всегда играла роль повивальной бабки, когда рождалось новое общество. Такъ говорилъ Марксъ, и такъ думалъ не одинъ онъ. Историкъ Шлоссеръ былъ убѣжденъ, что только «огнемъ и мечемъ» совершаются великiе перевороты въ судьбѣ человѣчества *). Откуда же является эта печальная необходимость? Кто виной?

*) Основательное знанiе исторiи, повидимому, располагало Шлоссера даже къ принятию старыхъ геологическихъ взглядовъ Кювье. Вотъ что говоритъ онъ по поводу проектовъ реформъ Тюрго, до сихъ поръ приводящихъ въ умиленiе филистеровъ. «Эти проекты заключаютъ въ себѣ всѣ существенныя выгоды, которыя приобрѣла Францiя внослѣдствiи посредствомъ революцiи. Только революцiей онѣ могли быть достигнуты, потому что мишистерство Тюрго въ своихъ ожиданiяхъ обнаруживало слишкомъ савгвинико философскiй духъ: оно надѣялось, вопреки опыту и исторiи, единственно своими предписанiями перемѣнить социальное устройство, образовавшееся въ теченiе времени и скрѣпленное прочными связями. Радикальныя преобразованiя, *какъ съ природою*, такъ и въ исторiи, возможны не прежде, какъ по уничтоженiи всего существующаго огнемъ, мечемъ и разрушенiемъ».

Иль силъ правды
На землѣ не все доступно?

Нѣтъ, пока еще не все. И происходитъ это, благодаря различію классовыхъ интересовъ въ обществѣ. Одному классу полезно или даже существенно необходимо перестроить извѣстнымъ образомъ общественныя отношенія. Другому—полезно или даже существенно необходимо противиться такому переустройству. Однимъ оно сулитъ счастье и свободу, другимъ грозитъ отмѣной ихъ привилегированнаго положенія, грозитъ прямо уничтожить ихъ, какъ привилегированный общественный классъ. А какой же классъ не борется за свое существованіе, не имѣетъ чувства самосохраненія? Выгодный данному классу общественный строй кажется ему не только справедливымъ, но даже единственно возможнымъ. По его мнѣнію, пытаться измѣнить этотъ строй—значитъ разрушать основы всякаго человѣческаго общежитія. Онъ считаетъ себя призваннымъ охранять эти основы, хотя бы даже силою оружія. Отсюда—«рѣзки крови»; отсюда—борьба и насилія.

Впрочемъ, социалисты, размышляя о предстоящемъ общественномъ переворотѣ, могутъ утѣшать себя тѣю мыслью, что чѣмъ больше распространятся ихъ «разрушительныя» ученія, тѣмъ развитѣе, организованныѣ и дисциплинированныѣ будетъ рабочій классъ, а чѣмъ развитѣе, организованныѣ и дисциплинированныѣ будетъ рабочій классъ, тѣмъ меньшихъ жертвъ потребуетъ неизбежная «катастрофа».

При томъ же, торжество пролетаріата, положивъ конецъ всякой эксплуатаціи чловѣка чловѣкомъ, а слѣдовательно и раздѣленію общества на классъ эксплуататоровъ и классъ эксплуатируемыхъ, сдѣлаетъ гражданскія войны не только излишними, но даже и прямо невозможными. Тогда чловѣчество будетъ двигаться одной «силою правды» и не будетъ имѣть надобности въ аргументаціи съ помощью оружія.

«Исторія восемнадцатаго столѣтія», русскій переводъ, 2-ое изданіе. СПБ. 1868. Т. III, ст. 361. Удивительный фантазеръ этотъ ученый нѣмецъ, скажетъ г. Тихомировъ.

III.

Перейдемъ теперь къ Россіи.

Западные социалисты держатся ученія Маркса. Между русскими революціонерами до послѣдняго времени преобладали социалисты-народники. Отличіе западнаго социалиста, т. е. *соціалъ-демократа*, отъ социалиста-народника состоитъ въ томъ, что первый обращается къ рабочему классу и рассчитываетъ только на рабочій классъ,—второй давно уже обращается къ одной «интеллигенціи», т. е. къ самому себѣ, и рассчитываетъ только на интеллигенцію, т. е. только на самого себя. Соціалъ-демократъ какъ нельзя болѣе боится попасть въ изолированное, а потому ложное положеніе, при которомъ голосъ его пересталъ бы доходить до массы пролетаріата и оказался бы голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Соціалистъ-народникъ, не имѣя никакой поддержки въ народѣ, даже и не подозрѣваетъ ложности своего положенія; онъ добровольно удаляется въ пустыню, заботясь единственно о томъ, чтобы его голосъ долеталъ до его собственныхъ ушей и радовалъ его собственное сердце. Рабочій классъ, какъ онъ представляется социалъдемократу, есть могучая, вѣчно подвижная, неутомимая сила, которая одна только и можетъ теперь вести общество по пути прогресса. Народъ, какъ онъ представляется социалисту-народнику, это—неуклюжій, черноземный богатырь, способный сотни лѣтъ оставаться неподвижнымъ на своихъ пресловутыхъ «устояхъ». Въ этой неподвижности нашего Ильи Муромца социалистъ-народникъ видитъ не недостатокъ, а весьма большую заслугу. Онъ не только не огорчается ею, но проситъ у исторіи одной милости: не сталкивать русскаго богатыря съ его уже порядочно таки просиженныхъ устоевъ, вплоть до той счастливой поры, когда онъ, добрый социалистъ-народникъ, управившись съ капитализмомъ, самодержавіемъ, прочими вредными «вліяніями», довольный и сіяющій, явится къ Ильѣ Муромцу и почтительно доложитъ: *Monsieur est servi!* Кушать подано! Богатырю останется лишь единымъ духомъ осушить для аппетита чару зелена вина въ полтретя ведра и спокойно усѣться за приготовленную для

него общественную трапезу... Соціалдемократъ внимательно изучаетъ законы и ходъ историческаго развитія. Русскій соціалистъ-народникъ, много и охотно мечтая о томъ народномъ развитіи, которое начнется когда-то, со временемъ, на томъ свѣтѣ, «на другой день послѣ революціи», знать не хочетъ той невымышленной экономической эволюціи, которая ежедневно и ежечасно происходитъ въ современной Россіи. Соціалдемократъ плыветъ по теченію исторіи. Напротивъ, историческое теченіе уноситъ соціалиста-народника все далѣе и далѣе отъ его «идеаловъ». Соціалдемократъ *опирается* на эволюцію; русскій соціалистъ-народникъ *оттирается* отъ нея посредствомъ всевозможныхъ софизмовъ.

Болѣе того. Сто-двѣсти лѣтъ тому назадъ община была безконечно прочнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Поэтому соціалисту-народнику ужасно хотѣлось бы украдкой перевести на сто или двѣсти лѣтъ назадъ часы исторіи *).

Отсюда слѣдуетъ, что въ примѣненіи къ русскимъ соціалистамъ-народникамъ отзывъ г. Тихомирова совершенно вѣренъ; они дѣйствительно не умѣли согласить этихъ двухъ понятій: *эволюція* и *революція*.

Только нашъ авторъ не счелъ нужнымъ прибавить, что онъ былъ самымъ главнымъ, самымъ плодovitымъ литературнымъ выразителемъ этого направленія въ нашей революціонной партіи. Онъ долго и упорно боролся въ своихъ статьяхъ противъ всякой попытки установить разумную связь между требованіями русскихъ революціонеровъ и неотвратимымъ ходомъ русскаго общественнаго развитія. Сельская община съ одной стороны и «интеллигенція» съ другой—всецѣло были предѣльными понятіями, дальше которыхъ не шелъ «революціонизмъ» г. Тихомирова.

Но само собой разумѣется, что революціонерамъ данной страны нельзя безнаказанно игнорировать ея эволюціи. Горькій опытъ

*) Подъ соціалистами-народниками мы понимаемъ всѣхъ тѣхъ соціалистовъ, по мнѣнію которыхъ община должна составлять главный экономическій базисъ соціалистической революціи въ Россіи. Въ этомъ смыслѣ народниками нужно признать и «народовольцевъ». И они сами признавали себя таковыми. Въ «Программѣ Исполнительнаго Комитета» они прямо называютъ себя соціалистами-народниками.

немедленно показали это русскимъ социалистамъ-народникамъ. Они не всегда обращались только къ самимъ себѣ, не всегда возлагали свои упованія на одну только «интеллигенцію». Было время, когда они пытались поднять «народъ», подъ именемъ котораго понимался, конечно, крестьянинъ, этотъ носитель общинныхъ идеаловъ и представитель общинной солидарности. Но, какъ и слѣдовало ожидать, крестьянинъ остался глухъ къ ихъ революціоннымъ призывамъ, такъ что они поневолѣ должны были попытаться сдѣлать революцію своими собственными силами. Но что могли сдѣлать они съ этими силами? У нихъ никогда не было ни малѣйшей возможности вступить въ открытую борьбу съ правительствомъ. Политическія манифестаціи второй половины семидесятыхъ годовъ весьма убѣдительно дали почувствовать «интеллигенціи», что ея силъ недостаточно даже для побѣды надъ дворниками и городовыми. При такомъ положеніи дѣлъ и при указанныхъ взглядахъ русскихъ социалистовъ-народниковъ, у нихъ не было другого пути, кромѣ такъ называемаго у насъ террора, или, какъ выражается г. Тихомировъ, *единоличнаго бунта*. Но «единоличный бунтъ» не можетъ свергнуть никакого правительства. «Защитники политическихъ убійствъ очень рѣдко, полагаю, сознаютъ, что настоящую силу терроризма въ Россіи составляетъ безсиліе революціи» — ехидно замѣчаетъ нашъ авторъ. И это совершенно справедливо. Напрасно только онъ воображаетъ, что нуженъ былъ его «созидательный» умъ для открытія столь простой истины. На нее указывали въ эпоху Липецкаго и Воронежскаго съѣздовъ тѣ изъ нашихъ революціонеровъ, которымъ хотѣлось удержать старую программу «Земли и Воли». Они были совершенно правы, когда говорили, что безъ поддержки со стороны хоть нѣкоторой части народной массы невозможно никакое революціонное движеніе. Но оставаясь на старой, народнической точкѣ зрѣнія, они не могли имѣть даже и смутнаго представленія о томъ, какой же способъ дѣятельности въ состояніи обезпечить нашей революціонной партіи плодотворное вліяніе на массу, а слѣдовательно, и предохранить ее отъ неизбѣжнаго при террористической борьбѣ обезсилія. Въ то же время «террористическая борьба» имѣла одно неоспоримое преимущество надъ всѣми старыми программами: фактически она, во всякомъ

случаѣ, была борьбой за политическую свободу, о которой и слышать не хотѣли революціонеры стараго закала.

Разъ ступивши на почву политической борьбы, социалисты-народники лицомъ къ лицу столкнулись съ вопросомъ объ *эволюціи*. Для социалиста завоеваніе политической свободы не можетъ быть послѣднимъ шагомъ его революціонной дѣятельности. Права, гарантируемыя гражданамъ современнымъ парламентаризмомъ, являются въ его глазахъ не болѣе, какъ промежуточной станціей на пути къ его главной цѣли, т. е. къ переустройству экономическихъ отношеній. Между завоеваніемъ политическихъ правъ и переустройствомъ названныхъ отношеній необходимо долженъ пройти извѣстный промежутокъ времени. Спрашивается, не измѣнится ли, и если—да, то въ какомъ смыслѣ измѣнится русская общественная жизнь въ теченіе этого промежутка? Не поведетъ ли конституціонный порядокъ къ разрушенію старыхъ, дорогихъ социалистамъ-народникамъ устоевъ крестьянской жизни? Чтобы удовлетворительно отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо было подвергнуть критикѣ главнѣйшія положенія народничества.

Не трудно было бы отмѣтить въ нашей революціонной литературѣ все болѣе и болѣе возрастающее сознаніе необходимости уяснить наконецъ связь между русской *революціей* и русской *эволюціей*. Г. Тихомировъ, который былъ, какъ мы уже сказали, самымъ упорнымъ изъ нашихъ революціонныхъ старовѣровъ и усердно охранялъ усвоенную имъ народническую догматику отъ вторженія всякой новой мысли,—даже г. Тихомировъ испыталъ на себѣ вліяніе этой переходной эпохи. Брошюра «Почему я пересталъ быть революціонеромъ» содержитъ въ себѣ весьма недвусмысленныя указанія на этотъ счетъ. Рассказывая исторію пережитаго имъ превращенія, г. Тихомировъ упоминаетъ объ одной статьѣ, написанной имъ для № 5 «Вѣстника Народной Воли», но не одобренной товарищами по изданію, а потому не напечатанной. По его словамъ, онъ развивалъ въ этой статьѣ то положеніе, что *«только извѣстная эволюція въ народной жизни можетъ создавать почву для революціонной дѣятельности»*... *«мой революціонизмъ, говоритъ онъ, именно и отыскивалъ эту эволюцію, этотъ*

историческій процессъ измѣненія типа, чтобы дѣйствовать сообразно съ нею» *).

Что же нашелъ «революціонизмъ» г. Тихомирова?

«Я требую единенія партіи со странюю», вѣщаетъ нашъ авторъ. «Я требую уничтоженія террора и выработки великой національной партіи»... Но тогда для чего же самые заговоры, возстанія, перевороты? Такая партія, о созданіи которой я хлопоталъ, очевидно сумѣла бы выработать систему улучшеній, совершенно возможныхъ и явно плодотворныхъ, а стало быть, нашла бы силы и способность показать это и правительству, которое не потребовало бы ничего лучшаго, какъ стать самому во главѣ реформы» **).

Очевидно, что «отыскивая» *эволюцію*, «революціонизмъ» г. Тихомировъ, «захлопотавшись», обронилъ *революцію*, отъ которой не осталось и слѣда въ его нынѣшнихъ взглядахъ. Это печально, но въ этомъ есть своя *неизбѣжная логика*. Человѣку, ни за что не хотѣвшему отказаться отъ идеализаціи допотопныхъ экономическихъ отношеній русской деревни, естественно было кончить идеализаціей самодержавія, этого естественнаго политическаго плода названныхъ отношеній. Нынѣшніе взгляды г. Тихомирова представляютъ собою не болѣе, какъ логическій, хотя и весьма некрасивый, выводъ изъ теоретическихъ посылокъ социалистовъ-народниковъ, которыя онъ всегда считалъ неоспоримыми.

Но съ другой стороны несомнѣнно также, что выводъ этотъ не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ какою бы то ни было *эволюціей*.

Г. Тихомировъ искалъ эволюціи тамъ, гдѣ ея никогда не бывало и гдѣ, поэтому, и невозможно было найти ее.

Что такое «единеніе партіи со странюю»? Во всякой странѣ, вышедшей изъ ребяческаго возраста, существуютъ классы или сословія, интересы которыхъ частью различны, а частью и все противоположны. Никакая партія не можетъ примирить этихъ интересовъ; поэтому, никакая партія не можетъ объединиться со странюю *въ ся цѣломъ*. Всякая партія можетъ быть

*) Стр. 13—14 егоброшюры

**) Стр. 12—13.

выразительницей интересовъ только извѣстнаго класса или извѣстнаго сословія. Это не значить, конечно, что всякая партія осуждена представлять въ политикѣ лишь эгонистическіе интересы того или другаго класса. Въ каждую данную историческую эпоху есть классъ, торжество котораго связано съ интересами дальнѣйшаго развитія страны. Служить интересамъ страны можно, лишь содѣйствуя торжеству этого класса. Слѣдовательно, «единеніе партіи со странюю» можетъ имѣть только одинъ разумный смыслъ: единеніе партіи съ классомъ, являющимся въ данное время носителемъ прогресса. Но слова г. Тихомирова вовсе не имѣютъ подобнаго смысла. Онъ всегда отрицалъ, а теперь тѣмъ болѣе отрицаетъ существованіе какихъ бы то ни было классовъ въ нашемъ отечествѣ.

Различіе классовыхъ интересовъ создается ходомъ общественнаго развитія, *исторической эволюціей*. Понять различіе классовыхъ интересовъ значить понять ходъ историческаго развитія, и наоборотъ, не понимать его, значить не имѣть ни малѣйшаго понятія объ историческомъ развитіи, значить оставаться въ той теоретической темнотѣ, въ которой всё кошки съры и, какъ двѣ капли воды, похожи одна на другую. И если пребывающій въ подобномъ сумракѣ писатель тѣмъ не менѣе говоритъ вамъ объ эволюціи, то вы можете быть увѣрены, что онъ принимаетъ за эволюцію нѣчто ей совершенно противоположное.

Но даже оставивъ въ сторонѣ всё эти соображенія, нельзя не задать г. Тихомирову слѣдующаго интереснаго вопроса. Почему онъ думаетъ, что разъ партіи удалось бы «соединиться» со странюю, то правительство «не потребовало бы ничего лучшаго, какъ самому стать во главѣ реформы», требуемой этой партіей? Нашъ авторъ помнитъ вѣроятно, что ровно сто лѣтъ тому назадъ былъ такой случай: представители третьяго сословія одной страны выражали интересы ог. многаго большинства ея населенія; они «выработали систему улучшеній совершенно возможныхъ и явно плодотворныхъ». Но правительство этой страны не пожелало «стать во главѣ реформы» и принялось «хлопотать» о томъ, какъ бы задавить ее съ помощью иностраннаго войска. Это не помѣшало, конечно, реформѣ войти въ жизнь, но «хлопоты» правительства кончились самымъ пла-

чевнымъ для него образомъ. Впрочемъ, г. Тихомировъ, по-видимому, думаетъ, что правительство такого самобытнаго государства, какъ Россія, непременно пошло бы въ подобномъ случаѣ своей самобытной дорогой и что, поэтому, примѣръ другихъ странъ намъ не указъ.

Нашъ авторъ искалъ путей для объединенія партіи со стра-ною и по ошибкѣ попалъ на путь, который привелъ его къ соединенію съ абсолютизмомъ. Но что же общаго между развитіемъ Россіи и интересами самодержавія?

«Я смотрю на вопросъ о самодержавной власти такъ», читаемъ мы на страницѣ 25-ой тихомировской брошюры. «Прежде всего, она составляетъ въ Россіи (какова она есть) явленіе, которое совершенно бесполезно обсуждать. Это такой результатъ русской исторіи, который не нуждается ни въ чемъ признаніи и никѣмъ не можетъ быть уничтоженъ, пока существуютъ въ странѣ десятки и десятки милліоновъ, которые въ политикѣ не знаютъ и не хотятъ знать ничего другого».

Г. Тихомировъ старался понять смыслъ русской «эволюціи». Чтобы съ успѣхомъ рѣшить эту задачу, ему нужно было уяснить себѣ не только, *какова есть Россія*, но главное, *какою она становится*, въ какомъ смыслѣ «измѣняеся типъ» ея общественныхъ отношеній. Кто не обращаетъ вниманія на эту сторону дѣла, тотъ имѣетъ право говорить лишь о *застоп*, а не о *развитіи*. Но именно на эту сторону дѣла и не обратилъ вниманія г. Тихомировъ. Поэтому съ нимъ случилось то же, что случается со всѣми людьми «охранительнаго» направленія. Они воображаютъ, что имѣютъ въ виду «страну», *«какова она есть»*, а на самомъ дѣлѣ ихъ умственные взоры устремлены на «страну», *какою она была* когда-то, и *какою въ значительной своей части она уже не есть* въ данное время. Ихъ охранительныя «мечты» основываются на идеализаціи старыхъ, уже отжившихъ экономическихъ и политическихъ отношеній.

Заговорите съ г. Тихомировымъ объ экономическихъ отношеніяхъ Россіи. Онъ скажетъ вамъ: община, это—«такой результатъ русской исторіи, который не нуждается ни въ чемъ признаніи, пока десятки и десятки милліоновъ въ экономіи не знаютъ и не хотятъ знать ничего другого». Но въ этомъ маленькомъ словечкѣ *пока* и заключается вся суть вопроса. Челю-

вѣкъ, велерѣчиво толкующій объ *эволюціи*, не долженъ ограничиваться ссылкой на настоящее время. Если онъ хочетъ убѣдить насъ, что община имѣетъ прочное будущее, онъ долженъ показать, что вышеуказанное «пока» не осуждено на скорую гибель, что община не носитъ въ себѣ, и никогда, или по крайней мѣрѣ долго не будетъ носить въ себѣ элементовъ своего разложенія. Точно также, если онъ хочетъ убѣдить насъ въ прочномъ будущемъ русскаго самодержавія, онъ долженъ показать что въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ нѣтъ такихъ факторовъ, подъ вліяніемъ которыхъ «десятки и десятки милліоновъ», быть можетъ, скоро и слышать не захотятъ о самодержавіи. «Пока» — это крайне неопредѣленное выраженіе, это — *икса*, который можетъ быть равенъ милліону, а можетъ быть не далекъ отъ нуля. Опредѣлить свойства *икса* и составляло задачу нашего эволюціониста. Но подобная задача была ему не по плечу. До краевъ наполненный «самобытностью», онъ всегда жилъ въ такихъ натянутыхъ отношеніяхъ съ наукой, идущей къ намъ, какъ извѣстно, съ Запада, что ему рѣшительно не подъ силу серьезное рѣшеніе какихъ бы то ни было вопросовъ.

Опредѣляя политическіе взгляды русскаго народа, г. Тихомировъ говоритъ о Россіи, *какова она есть*, или лучше сказать, какою она ему представляется. Но его взоры безповоротно устремляются *въ прошлое*, когда онъ переходитъ къ вопросу о томъ, — не мѣшаетъ ли существованіе самодержавія успѣхамъ русской «культуры». Всякому не предупрежденному и не софистизирующему человѣку очевидно, что вопросъ этотъ можетъ быть формулированъ лишь такимъ образомъ: препятствуетъ ли содѣйствуетъ современный абсолютизмъ, *каковъ онъ есть*, дальнѣйшему развитію Россіи? Г. Тихомировъ предпочитаетъ иную постановку вопроса. Онъ указываетъ на абсолютизмъ, *каковъ онъ былъ*, по его мнѣнію, когда-то. «Можно ли до такой степени забывать свою собственную исторію, чтобы восклицать — какая культурная работа при царяхъ!» (такъ восклицаютъ къ огорченію г. Тихомирова многіе русскіе люди). Да развѣ Петръ не царь? А есть ли во всемірной исторіи эпоха болѣе быстрой и широкой культурной работы? — горячится нашъ авторъ. Развѣ не царица Екатерина II? Развѣ не при Николаѣ I развивались всѣ общественныя идеи, какими до сихъ поръ живетъ русское

общество? Наконецъ, много ли республикъ, которыя въ теченіе 26 лѣтъ сдѣлали бы такъ много улучшеній. какъ сдѣлалъ Императоръ Александръ II? На всѣ такіе факты у насъ только и находятся жалкія фразы, вродѣ того, что это сдѣлано «вопреки самодержавію». Но если бы даже и такъ: не все ли вамъ равно, «благодаря» или «вопреки», коль скоро прогрессъ, и очень быстрый, оказывается возможенъ» *).

Но позвольте же спросить васъ, о премудрый сторонникъ эволюціи, неужели же вы не понимаете того простого обстоятельства, что настоящее можетъ быть не похоже на прошлое, и что примѣръ Петра, Екатерины или даже Александра II вовсе не указъ для ихъ преемниковъ? Петръ старался заставить Россію сдѣлаться просвѣщенной страной; его преемникамъ, можетъ быть, захочется вернуть ее въ варварское состояніе. Россія можетъ поставить двадцать новыхъ памятниковъ Петру и въ то же время находить, что его преемники ихъ не заслуживаютъ. Зачѣмъ же сворачивать на Петра Великаго, когда рѣчь идетъ *совсѣмъ* не о немъ?

Кромѣ того, какъ понимать ссылку на царствованіе Николая I? «При Николаѣ I развились многія изъ тѣхъ идей, которыми до сихъ поръ живетъ русское общество». Это правда, но не сердитесь, г. Тихомировъ, и позвольте спросить васъ, какова была при этомъ роль самодержавія? Представьте себѣ, что происходитъ война между кошками и мышами. Мыши находятъ, что кошки сильно вредятъ ихъ благосостоянію, и всячески стараются покончить съ кошачьимъ вопросомъ. Вдругъ является Рейнеке-Лисъ и, лукаво виляя своимъ пушистымъ хвостомъ, обращается къ мышамъ съ такою рѣчью: „Неразумныя и неблагодарныя мыши, я рѣшительно не понимаю, можно ли до такой степени забывать собственную исторію, чтобы восклицать: „Какое благосостояніе при кошкахъ? Но развѣ Васька не котъ? Развѣ Машка не кошка? Но развѣ не при Васькѣ число ваше размножилось до такой степени, что хозяинъ обитаемаго вами дома долженъ былъ позаботиться о покупкѣ новыхъ мышеловокъ? Правда, Васька старательно истреблялъ васъ, но вы все таки размножились, и не все ли вамъ

*) Стр. 25.

равно, размножились ли вы благодаря Васкѣ или вопреки ему!»
Что должны были бы отвѣчать мыши подобному сикофанту?

«Величайшій прогрессъ литературы совмѣстимъ съ самодержавной монархіей» — увѣряетъ г. Тихомировъ (стр. 26). Но это, право, слишкомъ уже безцеремонно! Или онъ думаетъ, что его читатели не знаютъ исторіи многострадальной русской литературы? Но кто же не помнитъ Новикова и Радищева, отвѣдавшихъ когтей просвѣщеннаго режима; ссылки Пушкина; загубленнаго Полежаева; Лермонтова, сосланнаго за стихотвореніе, не заключавшее въ себѣ ничего опаснаго для „основъ“; Шевченка, изнывавшаго подъ солдатскою шинелью; Достоевскаго, который безъ всякой вины былъ сначала приговоренъ къ смертной казни, а затѣмъ, «помилованный», сосланъ на каторгу, заключенъ въ «Мертвый домъ», гдѣ два раза подвергался тѣлесному наказанію; Бѣлинскаго, котораго лишь смерть спасла отъ знакомства съ жандармами? Или г. Тихомировъ полагаетъ, что его читатели забыли ссылку Щапова, Михайлова, погибшаго въ Сибири, Чернышевскаго, остававшагося тамъ болѣе двадцати лѣтъ; Писарева, просидѣвшаго въ крѣпости лучшіе годы своей жизни; современныхъ русскихъ писателей, между которыми рѣдко можно встрѣтить независимаго человѣка, не побывшаго подъ надзоромъ полиціи или въ мѣстахъ различной степени отдаленности; наконецъ, всѣ неистовства русской цензуры, разсказамъ о которыхъ не хотятъ вѣрить люди, незнающіе, что такое наше самодержавіе? Безопасное преслѣдованіе всякой живой мысли красной нитью проходить черезъ всю русскую исторію, и наша литература неслыханно дорогой цѣной заплатила за свое развитіе *«вопреки»* самодержавію. Это извѣстно всѣмъ и каждому, и мы совѣтуемъ г. Тихомирову распространяться, о чемъ ему угодно, писать торжественныя оды на тему: «громъ побѣды раздавайся, веселися, храбрый россъ», но оставить въ покоѣ русскую литературу. Достаточно вспомнить о ней, чтобы почувствовать самую жгучую ненависть къ нашему политическому строю.

Когда-то Гречъ, возражая на книгу Кюстина о николаевской Россіи, утверждалъ, что въ Петербургѣ можно такъ же свободно писать, какъ въ Парижѣ или Лондонѣ. Разсужденія г. Тихомирова о процвѣтаніи русской литературы подъ эгидой са-

модержавной власти представляют собою не болѣе, какъ дальнѣйшее развитіе смѣлой мысли Греча. По выходѣ брошюры «Почему я пересталъ быть революціонеромъ» многіе подумали, что г. Тихомировъ желаетъ изобразить изъ себя новаго Каткова, одареннаго умомъ болѣе «созидательнымъ», чѣмъ умъ покойнаго редактора «Московскихъ Вѣдомостей». Но это ошибка. При внимательномъ отношеніи къ дѣлу ясно, что г. Тихомирову не давала спать слава Греча. И нужно сознаться, что этого послѣдняго напоминаетъ вся писательская манера г. Тихомирова. Новѣйшимъ Катковымъ ему быть не суждено, но у него есть всѣ данныя для того, чтобы сдѣлаться новѣйшимъ Гречемъ, конечно, въ нѣсколько уменьшенныхъ размѣрахъ.

Не все ли намъ равно, «вопреки» или «благодаря» самодержавію совершается наше общественное развитіе! Нѣтъ, г. Тихомировъ, далеко не все равно! Для насъ не все равно, если наши учебныя заведенія отдаются во власть Толстыхъ, Деляновыхъ, Руничей и Магницкихъ. Для насъ не все равно, если доступъ въ нихъ ограничивается, если по мановенію руки, въ каждую данную минуту ихъ могутъ совсѣмъ закрыть, давъ обучающемуся въ нихъ юношеству „фельдфебелей въ Вольтеры“. Для насъ не все равно, если нашими студентами заселяютъ сѣверныя и восточныя окраины, и если въ настоящее время, отпустивъ сына въ высшее учебное заведеніе, родители смотрятъ на него, какъ на почти уже погибшаго. Для насъ не все равно, если въ нашемъ самодержавно-полицейскомъ государствѣ ежегодно по крайней мѣрѣ пятая часть «обывателей» (крестьянъ) подвергается тѣлеснымъ наказаніямъ при взысканіи податей. Для насъ не все равно, если за малѣйшій протестъ противъ адскихъ фабричныхъ порядковъ рабочіе испытываютъ незаконныя преслѣдованія со стороны администраціи, а когда вздумается, то могутъ быть преданы даже военному суду, какъ это неоднократно бывало. Все это для насъ далеко не все равно. Нашъ политическій строй обходится намъ слишкомъ дорого. Было время, когда и для васъ это было далеко не все равно, г. Тихомировъ, и знаете-ли что? Если въ васъ сохранилась хоть капля человѣчности, вы невольно и несмотря на свойство вашей „эволюціи“ еще не разъ вспомните это время, какъ самую благородную пору вашей жизни.

По мнѣнію г. Тихомирова, если нашу учащуюся молодежь окружают опасности, то въ этомъ виноваты «подстрекатели», увлекающіе ее въ политику. «Студенческое вмѣшательство въ политику даетъ наиболѣе вредныя послѣдствія въ формѣ разныхъ демонстрацій, когда чуть ли не въ 24 часа, изъ-за грошеваго протеста противъ какого-нибудь несчастнаго инспектора погибаетъ для страны нѣсколько сотенъ молодыхъ, незамѣнимыхъ силъ». Замѣтимъ, во-первыхъ, что одно дѣло «студенческое вмѣшательство въ политику», а другое дѣло—такъ называемыя студенческія исторіи. Для студентовъ есть другіе способы «вмѣшиваться въ политику», помимо борьбы съ инспекторами. Во-вторыхъ, мы покорнѣйше попросимъ г. Тихомирова сказать намъ, кто же виноватъ въ гибели этихъ дѣйствительно дорогихъ и поистинѣ незамѣнимыхъ силъ? Не виновато ли въ ней правительство, способное губить сотни молодыхъ людей «изъ-за грошеваго протеста противъ какого-нибудь несчастнаго инспектора?» Замѣчательно, что даже въ изображеніи г. Тихомирова абсолютизмъ нашъ является какимъ-то Змѣемъ Горынычемъ, по отношенію къ которому вся политическая мудрость состоитъ лишь въ томъ, чтобы не сдѣлаться его жертвой.

О, конечно, «для страны» было бы въ милліоны разъ лучше, если бы наша молодежь могла спокойно учиться и развиваться! Кто спорить противъ этого? Но, къ сожалѣнію, у нея не будетъ такой возможности, пока не погибнетъ, наконецъ, та политическая система, которая губитъ нынѣ ея молодыя силы. Правительство никогда не проститъ ей «вмѣшательства въ политику», а она никогда не воздержится отъ такого вмѣшательства. Въ борьбѣ за политическую свободу учащаяся молодежь вездѣ и всюду принимала самое дѣятельное участіе. Филистерамъ, осуждавшимъ ее за это, Жоржъ Сандъ давно уже и вполне вѣрно возразила: если все, что есть лучшаго и благороднаго въ молодежи, направляется противъ существующаго строя, то это служить лучшимъ доказательствомъ его негодности.

Но г. Тихомирову хотѣлось бы отвлечь отъ политической борьбы не одну только учащуюся молодежь. Онъ совѣтуетъ забыть о ней всѣмъ, даже самымъ престарѣлымъ своимъ читателямъ, а въ видѣ выхода указываетъ на «культурную работу»... съ дозволенія начальства. По его словамъ, никакіе де-

партаменты препонъ и препятствій не могутъ *воспрепятствовать* подобной работѣ. «Какое бы ни было правительство—говорить онъ—оно можетъ отнять у народа все, что угодно представить, но не возможность культурной работы, предполагая, что народъ къ ней способенъ». Это отраднo; одна бѣда: мы никакъ не можемъ догадаться, что это за удивительная «работа», которой, такъ сказать, ни моль не точить, ни ржа не ѣсть, и которой мы спокойно будемъ заниматься даже въ томъ случаѣ, когда правительство отниметъ у насъ *«все что угодно представить»*? Распространеніе просвѣщенія есть, напимѣръ, самая культурная изъ всѣхъ культурныхъ работъ. Но эту работу всегда можетъ «отнять» у насъ правительство, и самъ г. Тихомировъ, конечно, знаетъ много примѣровъ подобнаго отнятія. Литературная дѣятельность также должна быть признана культурной работой. Но какъ и это хорошо извѣстно г. Тихомирову, каждому изъ насъ правительство легко можетъ запретить ее во всякое время. О какой же «работѣ» говоритъ нашъ авторъ? О постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, о споспѣшествованіи успѣхамъ «отечественной промышленности»? Но и въ этомъ случаѣ дѣло зависитъ отъ бюрократическаго произвола. Правительство всегда можетъ не разрѣшить вашего предпріятія или убить его тяжелымъ налогомъ, нелѣпымъ тарифомъ и т. п. Много ли у насъ останется, разъ правительство «отниметъ все, что угодно представить»? (По правдѣ сказать, оно уже и теперь недалеко отъ этого).

Намъ кажется, что г. Тихомирову слѣдовало бы быть откровеннѣе съ своими читателями и безъ всякихъ увертокъ обратиться къ нимъ съ тѣми утѣшительными словами, съ какими стоики обращались когда-то къ рабамъ: ваши господа могутъ отнять у васъ все, что угодно представить, но они не въ силахъ лишить васъ внутренней свободы вашего «я», для разумнаго же человѣка только эта внутренняя свобода и имѣетъ значеніе. Навѣрное, многіе сумѣли бы понять всю справедливость этого философскаго соображенія.

Если на долю русскаго «интеллигентнаго» человѣка выпадетъ молодость, бурная въ политическомъ отношеніи, и если ему въ болѣе зрѣломъ возрастѣ захочется отдохнуть и пожить въ свое удовольствіе, то онъ начинаетъ вздыхать о «культур-

ной работѣ». Въ чемъ должна состоять она—этого онъ и самъ хорошенько не знаетъ. Изъ его сбивчивыхъ объясненій обыкновенно понятно только одно: весьма значительная часть будущей «работы» пойдетъ на охраненіе и сохраненіе его «культурной особы». Помилуйте, у насъ дорогъ каждый образованный человѣкъ,—увѣряетъ будущій культуртрегеръ, избѣгая при этомъ смотрѣть вамъ прямо въ глаза. Иначе сказать, онъ до такой степени хорошъ и поучителенъ въ своей «интеллигентности», что, взирая на него, русскій народъ уже тѣмъ самымъ излѣчится отъ многихъ болѣзней, подобно тому какъ евреи исцѣлялись въ пустынѣ, взирая на мѣднаго змія. Эту то „работу“ изображенія изъ себя російскаго мѣднаго змія и рекомендуетъ своимъ читателямъ г. Тихомировъ. Человѣкъ, увлекавшійся нѣкогда славой Робеспьера или Сень-Жюста, дѣлаетъ теперь видъ, что увлекается доблестными примѣрами образцоваго помѣщика Костанжогло или ангельски-добраго откупщика Муразова.

Но говоря о такой работѣ, онъ не долженъ былъ ссылаться на исторію. Напоминая читателямъ о Петрѣ, Екатеринѣ и Александрѣ II, нашъ авторъ сдѣлалъ большую неосторожность. Вникнувъ въ смыслъ указанныхъ имъ примѣровъ, читатель можетъ сказать себѣ такъ: много или мало было «культурной работы» въ царствованіе того или другого изъ названныхъ лицъ, но поскольку она дѣйствительно имѣла мѣсто «въ странѣ»,—она состояла въ переустройствѣ общественныхъ отношеній сообразно съ наиболѣе вопіющими нуждами того времени. Спрашивается, способно ли теперь правительство, «каково оно есть», взять на себя починъ полезнаго и сообразнаго съ нуждами *нашего* времени переустройства русскихъ общественныхъ отношеній? Говорятъ, что самое необходимое переустройство этихъ отношеній заключается въ ограниченіи абсолютизма. Возьметъ ли самъ абсолютизмъ за *эту* «культурную работу»? Опасныя это мысли, г. Тихомировъ! Читатель, задавшій себѣ подобный вопросъ, педалекъ отъ совершенной неблагонамѣренности. Но этого мало; нѣкоторые читатели могутъ пойти еще дальше и предаться, на примѣръ, такого рода «разрушительнымъ» размышленіямъ: реформы Александра II вызваны были крымскимъ погромомъ, который навязалъ намъ программу преобразованій, безусловно

необходимыхъ для самосохраненія Россіи, какъ европейской страны. Основаніемъ всѣхъ другихъ реформъ было тогда уничтоженіе крѣпостного права. Оно, кромѣ общихъ экономическихъ соображеній, было предпринято еще и потому, что ежегодно возраставшее число крестьянскихъ бунтовъ заставляло опасаться народнаго возстанія. Отсюда слѣдуетъ, повидимому, тотъ выводъ, что когда мы захотимъ заставить правительство взяться за «культурную работу», мы должны припугнуть его возстаніемъ и ужь, конечно, припугнуть серьезно, т. е. не ограничиваться словами, а на самомъ дѣлѣ готовиться къ возстанію. А это значить, что революціонная дѣятельность есть та же культурная работа, но только съ другой стороны. И этотъ послѣдній родъ «культурной работы» въ сущности выгоденъ для самого правительства. Побуждаемые опасностью возстанія, лица, въ рукахъ которыхъ находится правительственная власть, съ большей легкостью будутъ превращаться въ «освободителей». Для того, чтобы Александръ II задумался о реформахъ, нужно было то отчаянное положеніе Россіи, которое преждевременно свело въ могилу Николая I. Революціонеры примирять правителей съ неизбѣжной перспективой «культурной работы», тогда имъ не придется переживать такихъ тяжелыхъ минутъ, какія пережилъ Николай I.

Видите-ли, г. Гречъ, въ какой соблазнъ вводите вы своихъ читателей? Какъ же это вы ведете себя такъ необдуманно? А еще хвалитесь тѣмъ «отпечаткомъ положительности», который будто бы всегда «отличалъ» васъ! Зачѣмъ вы сунулись въ исторію? Ограничились бы превознесеніемъ той любезной вашему сердцу «культурной работой», которая ни мало не касается общественныхъ отношеній, и которая сторицею вознаградитъ насъ за всѣ злключенія даже въ томъ случаѣ, если абсолютизмъ отниметъ у храбрыхъ россовъ «все, что угодно представить».

Нашъ новѣйшій Гречъ и самъ знаетъ, какъ мало трудолюбія обнаруживаетъ наше правительство на поприщѣ исторической «культурной работы». Поэтому онъ хочетъ подѣйствовать на нашъ патриотизмъ, указывая на русскія «національныя задачи», разрѣшить которыя можетъ, по его мнѣнію, только «прочное правительство». Въ извѣстномъ смыслѣ нашъ абсолютизмъ, кажется, никогда не имѣлъ недостатка «въ прочности», но много ли

способствовало это обстоятельство разрѣшенію нашихъ культурныхъ задачъ? Припомнимъ хоть ближайшую къ намъ исторію восточнаго вопроса.

Намъ говорили, что «національныя наши задачи» требуютъ освобожденія Молдавіи и Валахіи. Мы боролись за это освобожденіе, а когда оно состоялось, то нашъ абсолютизмъ сумѣлъ сдѣлать изъ румынъ нашихъ враговъ. Возстановлять ихъ противъ Россіи—значило ли содѣйствовать разрѣшенію русскихъ «національныхъ задачъ»?

Намъ говорили, что освобожденіе Сербіи необходимо въ виду нашихъ «національныхъ задачъ». Мы содѣйствовали ему, а политика самодержавія толкнула сербовъ въ объятія Австро-Венгріи. Подвинуло ли это впередъ рѣшеніе названныхъ задачъ?

Намъ говорили, что въ интересахъ Россіи необходимо освобожденіе Болгаріи. Не мало русской крови было пролито по этому поводу, а теперь, благодаря политикѣ нашего «твердаго» и «прочнаго» правительства, болгары ненавидятъ насъ, какъ своихъ злѣйшихъ притѣснителей. Выгодно ли это Россіи?

Для рѣшенія національныхъ задачъ всякой данной страны необходимо прежде всего одно условіе: «прочное» согласіе политики ея правительства съ ея національными интересами. А у насъ этого то условія и нѣтъ, да и быть не можетъ, потому что наша политика находится въ полнѣйшей зависимости отъ фантазій отдѣльныхъ лицъ. Ведется при Елизаветѣ война съ Фридрихомъ прусскимъ, и Россія обязана думать, что война ведется ради ея національныхъ задачъ. Но вотъ вступаетъ на престолъ Петръ Ш, и русскіе солдаты, только что сражавшіеся *противъ* Фридриха, немедленно переходятъ *на его сторону*, и русскіе обыватели обязаны думать, что такого перехода требуютъ ихъ національныя задачи? А то пусть г. Тихомировъ припомнитъ внѣшнюю политику правительствъ Павла или Николая I. Что выиграла Россія отъ похода въ Венгрію?

Важнѣйшая изъ всѣхъ нашихъ національныхъ задачъ состоитъ въ завоеваніи свободныхъ политическихъ учрежденій, благодаря которымъ силы нашего отечества перестали бы, наконецъ, быть игрушкой въ рукахъ каждаго даннаго правительства. Говоря о національныхъ задачахъ Россіи, апологеты самодержавія прежде всего невольно напоминаютъ ей именно объ этой задачѣ.

Нашъ авторъ пишетъ, что только «отчаянный романтизмъ революціонеровъ» позволяетъ имъ «третировать русскихъ наслѣдственныхъ самодержцевъ, какъ позволительно третировать какого нибудь узурпатора. Русскій царь не похищаль своей власти, онъ получилъ ее отъ торжественно избранныхъ предковъ, и до сихъ поръ огромное большинство народа ни единымъ звукомъ не показало своего желанія отобрать у Романовыхъ ихъ полномочій». Чтобы еще болѣе выставить величіе самодержавной власти, г. Тихомировъ указываетъ на то обстоятельство, что русская церковь, признаваемая огромнымъ большинствомъ населенія, «освящаетъ» царя «званіемъ своего свѣтскаго главы» *).

Сдѣлаемъ прежде всего маленькое замѣчаніе: не церковь рѣшила «освятить» русскаго царя званіемъ своего свѣтскаго главы, а русскій царь, по собственному побужденію и въ интересахъ своей власти, рѣшилъ преподнести себѣ это почетное званіе. Въ этомъ нѣтъ большого преступленія, но зачѣмъ же г. Тихомировъ искажаетъ исторію?

Или г. Тихомировъ думаетъ, что его читатели не знаютъ русской исторіи, и спекулируетъ на ихъ невѣжество, или онъ самъ не знаетъ ея и, что называется, не спросясь броду, суется въ воду.

Мужъ многоопытный, губить тебя твоя храбрость!

И такого-то храбраго защитника не понялъ и не оцѣнилъ «Русскій Вѣстникъ»! Онъ увѣряетъ, что г. Тихомировъ не сказалъ ничего новаго. Но откуда же взять это новое, если вы, господа, исчерпали рѣшительно все, что можно сказать въ пользу абсолютизма? А кромѣ того увѣреніе «Русскаго Вѣстника» не совсѣмъ справедливо. Въ брошюрѣ г. Тихомирова есть совершенно новый пріемъ отпугиванія людей отъ революціонной дѣятельности. Вотъ онъ, этотъ драгоцѣнный плодъ тихомировской оригинальности. «Вліяніе самого образа жизни, говорится на стр. 18 его брошюры, чрезвычайно неблагоприятно для террориста-заговорщика... Господствующее надъ всѣмъ сознаніе, это сознаніе того, что не только нынче или завтра, но каждую секунду онъ долженъ быть готовъ погибнуть. Единственная воз-

*) Стр. 16.

возможность жить при такомъ сознаниі—это *не думать* о множествѣ вещей, о которыхъ, однако, нужно думать, если хочешь остаться человѣкомъ развитымъ. Привязанность сколько-нибудь серьезная и какого бы то ни было рода—есть въ этомъ состояніи истинное несчастье. Изученіе какого бы ни было вопроса, общественнаго явленія и т. п.—немыслимо. Планъ дѣйствія мало-мальски сложный, мало-мальски обширный, не можетъ прійти даже въ голову. Всѣхъ поголовно (исключая—5 10 единомышленниковъ) нужно обманывать съ утра до ночи, отъ всѣхъ скрывать, во всякомъ человѣкѣ подозрѣвать врага». Словомъ, жизнь заговорщика-террориста есть «жизнь травленнаго волка», а борьба его противъ правительства есть борьба, «принижаящая» его самого.

Что, каково сравненіе? Не дурень оборотъ?—спросимъ мы словами Некрасова. Вдумайтесь въ смыслъ этихъ доводовъ, и вы увидите, что г. Тихомировъ вовсе не такъ простъ, какъ онъ часто кажется. Въ Россіи существуетъ суровая, беспощадная сила, которая гнететъ насъ и отнимаетъ у насъ «все, что угодно представить». Мы протестуемъ противъ этой силы по одиночкѣ,—она стираетъ насъ въ порошокъ. Мы организуемся, чтобы бороться систематически, и въ результатъ этой борьбы, которая, какъ намъ казалось, должна была освободить насъ, получается наше собственное «*приниженіе*». Мораль очевидна: если не хочешь «*принижаться*», не протестуй, подчинись власти, отъ Бога установленной, «смирись, гордый человѣкъ»!

Этотъ выводъ, повидимому, непосредственно примѣнимъ только къ террористамъ, но если основательны его послышки, то *всякая революціонная борьба* въ Россіи должна быть признана «принижющей», потому что всѣмъ революціонерамъ безъ различія приходится «*бороться*» со шпіонами и примириться съ мыслью о возможности погибнуть «не только нынче или завтра, но каждую секунду». Однако, правъ ли нашъ авторъ? Къ счастью нѣтъ, далеко не правъ, не только не правъ, но говоритъ нѣчто совершенно противоположное истинѣ, и достаточно небольшого вниманія читателя, чтобы тихомировская софистика разлетѣлась, какъ дымъ.

Начнемъ съ небольшой, но необходимой поправочки. Революціонеры *борются* не со шпіонами, а съ русскимъ

правительствомъ, которое преслѣдуетъ ихъ съ помощью сыщиковъ и провокаторовъ. Подобный приемъ борьбы противъ революціонеровъ дѣйствуетъ самымъ «принижающимъ» образомъ именно на правительство. Объ этомъ умалчиваетъ г. Тихомировъ, но это ясно само собою. Что же касается революціонеровъ, то какъ могутъ отражаться на нихъ шпионскія преслѣдованія? Прежде всего, въ каждомъ изъ нихъ эти преслѣдованія должны поддерживать сознаніе того, «что не только нынче или завтра, но каждую секунду должны быть готовъ погибнуть» за свои убѣжденія. Не всякій въ состояніи перенести постоянное присутствіе подобной мысли. Въ исторіи тайныхъ обществъ любой страны можно найти примѣры слабости, робости, «приниженія» и даже полного паденія. Но къ несчастью деспотизма не всѣ революціонеры таковы. На людей болѣе сильныхъ постоянныя преслѣдованія оказываютъ совсѣмъ противоположное вліяніе: они развиваютъ въ нихъ не боязнь преслѣдованій, а полную и постоянную готовность погибнуть въ борьбѣ за правое дѣло. И эта готовность поддерживаетъ въ нихъ такое настроеніе, о какомъ мирные филистеры, никогда не возбуждавшіе подозрѣнія ни въ одномъ шпионѣ, не имѣютъ даже приблизительнаго понятія. Все личное, все эгоистическое отходитъ на задній планъ или, вѣрнѣе, совершенно забывается,—остается лишь общій политическій интересъ, «одной лишь думы власть, одна, но пламенная страсть». Человѣкъ возвышается до героизма. И такихъ людей было не мало въ нашемъ революціонномъ движеніи. Посмотрите, что пишетъ Кеннанъ, познакомившійся съ нашими ссыльными въ Сибири. «То, что я увидалъ и узналъ въ Сибири, затронуло затаенныя струны моего сердца, открыло мнѣ цѣлый міръ новыхъ ощущеній, во многихъ отношеніяхъ очистило и возвысило мои нравственныя понятія»—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, цитируемыхъ г-жей Dames въ августовской книжкѣ американскаго журнала «The Century» за 1888 годъ. «Я познакомился тамъ съ характерами во истину героическими, столь же высокаго типа, какъ самые высокіе, извѣстные намъ изъ исторіи человечества. Я видѣлъ тамъ людей мужественныхъ и сильныхъ, съ безконечною готовностью къ жертвѣ и гибели за свои убѣжденія... Я отправился въ Сибирь съ сильными предъ-

Дом Плехановъ

бѣжденіями противъ политическихъ изгнанниковъ, — уѣзжая, я разставался съ ними, сжимая ихъ въ своихъ объятіяхъ, съ глазами полными слезъ». Что скажетъ объ этихъ людяхъ г. Тихомировъ? «Принижающая» борьба со шпионами очевидно не имѣла на этихъ людей никакого принижающаго вліянія. Ахъ, г. Гречъ, г. Гречъ, слона то вы и не замѣтили!

Что говорить! Гораздо лучше было бы, если бы революціонерамъ не приходилось подвергаться преслѣдованіямъ шпионовъ. Но вѣдь это уже зависитъ отъ правительства. Г. Тихомировъ сдѣлалъ бы намъ большую услугу, если бы онъ внушилъ нашимъ правящимъ сферамъ, что не всякія средства хороши въ борьбѣ противъ революціонеровъ, и что такъ называющія себя «царевы очи» выглядятъ очень непривлекательно.

Касательно обмановъ, которыми будто бы «съ утра до ночи» приходится заниматься революціонерамъ, мы можемъ поставить г. Тихомирову такое соображеніе. Мы не знаемъ, много ли народу онъ обманулъ, когда считался революціонеромъ. Очень возможно, что много. Его собственныя признанія показываютъ, что во время изданія «Вѣстника Народной Воли» его литературная дѣятельность была *обманомъ* читателей: онъ тогда уже не вѣрилъ въ дѣло, которое защищалъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что *есть* революціонеры по самой силѣ вещей должны быть обманщиками. Печальный примѣръ г. Тихомирова для нихъ не указъ. Революціонная дѣятельность требуетъ только *сохраненія тайны*, а отъ сохраненія тайны до *обмановъ* еще очень далеко. Тайны могутъ быть у самаго правдиваго челоуѣка, не сказавшаго во всю свою жизнь ни одного лживаго слова, и такой челоуѣкъ имѣетъ полнѣйшее правственное право посвящать въ нихъ *только* своихъ «единомышленниковъ». Неужели г. Гречъ не понимаетъ этого?

Но удивительнѣйшая вещь, читатель, Русскій абсолютизмъ какъ чудовищень, что даже самъ обратившійся на путь истины г. Тихомировъ не выдерживаетъ своей роли вѣрноподданнаго писателя. Послѣ всякихъ натяжекъ и софизмовъ, измышленныхъ въ защиту самодержавной власти, онъ совершенно неожиданно начинаетъ иронизировать, впадая въ тонъ Щедрина. «Источникъ власти законодательной и исполнительной по русскимъ законамъ есть государь страны», пишетъ онъ. «Въ стра-

нахъ республиканскихъ этимъ источникомъ являются избиратели. Та и другая форма имѣеть свои преимущества, но въ обоихъ случаяхъ политическое дѣйствіе, изъ какого бы источника не (ни) исходило, проявляется не иначе, какъ посредствомъ извѣстныхъ учреждений (иногда, напримѣръ, такихъ «учрежденій», какъ баррикады, г. Тихомировъ). Эти учрежденія въ Россіи представляютъ не менѣе способовъ къ дѣятельности, чѣмъ въ другой странѣ. У насъ есть Государственный Совѣтъ, Сенатъ, Министерства, съ разными добавочными органами, вродѣ Департамента торговли и мануфактуръ и цѣлаго ряда постоянно существующихъ комиссій» (стр. 31). За эту ѣдкую насмѣшку можно простить нашему автору много прегрѣшеній противъ логики и здраваго смысла, хотя, конечно, не противъ политической порядочности.

IV.

Изъ всего написаннаго нами читатель, можетъ быть, сдѣлать то заключеніе, что мы не признаемъ никакихъ заслугъ за нашимъ абсолютизмомъ. Но это было бы не совсѣмъ вѣрно. И за русскимъ абсолютизмомъ есть несомнѣнныя историческія заслуги, и главнѣйшая изъ нихъ та, что онъ занесъ въ Россію сѣмя своей собственной гибели. Правда, онъ былъ вынужденъ къ этому сосѣдствомъ съ Западной Европой, но онъ все-таки сдѣлалъ это и заслуживаетъ самой искренней признательности съ нашей стороны.

Старая московская Русь отличалась совершенно азіатскимъ характеромъ. Онъ бросается въ глаза какъ въ экономическомъ бытѣ страны, такъ и во всѣхъ нравахъ и во всей системѣ государственнаго управленія. Москва была своего рода Китаемъ, но этотъ Китай находился не въ Азіи, а въ Европѣ. Отсюда-то существенное различіе, что между тѣмъ, какъ настоящій Китай, всѣми силами отбивался отъ Европы, нашъ московскій Китай еще съ временъ Ивана Грознаго съ оружіемъ въ рукахъ стремился прорубить себѣ въ нее хоть маленькое окошечко. Петру удалось рѣшить эту великую задачу. Онъ совершилъ огромный переворотъ, спасшій Россію отъ окостенѣнія. Но царь Петръ могъ сдѣлать лишь то, что было доступно царской власти. Онъ

завелъ постоянное, по европейски вооруженное войско и европеизировалъ систему нашего государственнаго управленія. Словомъ, къ азіатскому туловищу московской Руси «царь-плотникъ» придѣлалъ европейскія руки. «На соціальной основѣ, восходившей чуть-ли не къ одиннадцатому столѣтію, явилась дипломатія, постоянная армія, бюрократическая іерархія, промышленность, удовлетворявшая вкусамъ роскоши, школы, «академіи» и пр.», прекрасно говоритъ Рамбо объ этомъ періодѣ нашей исторіи. Сила новыхъ европейскихъ рукъ, оказывая Россіи большія услуги въ ея международныхъ сношеніяхъ, невыгодно отражалась на многихъ сторонахъ ея внутренняго быта. Вздернувъ Россію, по выраженію Пушкина, «на дыбы», великій царь раздавилъ народъ подъ бременемъ налоговъ и довелъ деспотизмъ до неслыханной степени могущества. Всѣ учрежденія, хоть отчасти сдерживавшія самодержавную власть, были уничтожены, всѣ преданія и обычаи, хоть немного охранявшіе ея достоинство, были забыты, и тотчасъ по смерти Петра начинаются тѣ «лейб-кампанскія» шалости, благодаря которымъ русская исторія долгое время была, по выраженію одного итальянскаго писателя, трагедіей *nel un tirannia*. «Реформа» Петра I правилась его преемникамъ больше всего потому, что она страшно усилила самодержавную власть. Что же касается до начатой Петромъ «культурной работы», то они отбояривались отъ нея до послѣдней возможности, и нужны были потрясающія событія для того, чтобы русское правительство вспоминало о русской «культурѣ». Такъ, несчастный исходъ крымской войны заставилъ, какъ мы уже сказали, вспомнить о ней Александра II. Крымскій погромъ показалъ, какое огромное разстояніе отдѣляетъ насъ отъ Западной Европы. Между тѣмъ какъ мы почивали на лаврахъ, пожатыхъ во время наполеоновскихъ войнъ, и возлагали всѣ свои надежды на азіатское терпѣніе нашего солдата да на молодецкія свойства русскаго штыка, передовые народы Европы сумѣли воспользоваться всѣми успѣхами новѣйшей техники. Волей-неволей приходилось пошевеливаться и намъ. Государству нужны были новыя средства, новыя источники доходовъ. Но для того, чтобы найти ихъ, необходимо было уничтожить крѣпостное право, сильно стѣснявшее тогда наше промышленное развитіе. Александръ II сдѣлалъ это,

и послѣ 19 февраля 1861 года можно было сказать, что нашъ абсолютизмъ совершилъ въ предѣлахъ земныхъ все земное.

Съ начала шестидесятыхъ годовъ въ Россіи стали назрѣвать новыя общественныя потребности, которыхъ самодержавіе не можетъ удовлетворить, не переставши быть самодержавіемъ.

Дѣло въ томъ, что европейскія руки мало по малу оказали огромное вліяніе на туловище нашего общественного организма. Изъ азіатскаго—оно само стало постепенно превращаться въ европейское. Для поддержанія учреждений, заведенныхъ Петромъ въ Россіи, нужны были во-первыхъ деньги, во-вторыхъ деньги и въ-третьихъ деньги. Выбивая ихъ изъ народа, правительство тѣмъ самымъ содѣйствовало развитію у насъ товарнаго производства. Затѣмъ, для поддержанія тѣхъ же учреждений, нужна была хоть какая-нибудь фабрично-заводская промышленность. Петръ положилъ начало этой промышленности въ Россіи. Сначала—и совершенно сообразно своему происхожденію—эта промышленность находилась въ совершенно подчиненныхъ служебныхъ отношеніяхъ къ государству. Она была закрѣпощена на службѣ у него, подобно всѣмъ прочимъ общественнымъ силамъ Россіи. Она сама держалась крѣпостнымъ трудомъ крестьянъ, приписанныхъ къ фабрикамъ и заводамъ. Но тѣмъ не менѣе, она все-таки дѣлала свое дѣло, причемъ ей сильно помогали все тѣ же международныя отношенія. Успѣхи русскаго экономическаго развитія въ періодъ времени, протекшій отъ Петра до Александра II, лучше всего видны изъ того обстоятельства, что тогда какъ реформы Петра *требовали усиленія крѣпостной зависимости крестьянъ*—реформы Александра II *немыслимы были безъ ея уничтоженія*. Въ 28 лѣтъ, отдѣляющіе насъ отъ 19 февраля 1861 года, русская промышленность такъ быстро двигалась впередъ, что отношенія ея къ государству измѣнились самымъ существеннымъ образомъ. Когда-то совершенно *подчиненная ему*, она стремится теперь *подчинить его себѣ*, поставить его въ служебныя къ себѣ отношенія. Нижегородское ярмарочное купечество въ одной изъ челобитныхъ, почти ежегодно подаваемыхъ имъ правительству, наивно называетъ министерство финансовъ *органомъ* торгово-промышленнаго сословія. Предприниматели, прежде не умѣвшіе шагу ступить безъ указаній правительства, *требуютъ*

теперь, чтобы правительство слѣдовало *ихъ* указаніямъ. Тѣ же нижегородскіе купцы выражаютъ скромное желаніе, чтобы мѣры, могущія повліять на состояніе нашей промышленности, принимались не иначе, какъ съ одобренія представителей отъ ихъ «сословія». Въ дѣлѣ русскаго экономическаго развитія пѣсенка абсолютизма оказывается, такимъ образомъ, уже слѣпой. Его опека не только уже *не* нужна, но прямо *вредна* нашей промышленности. И недалеко то время, когда наше «торгово-промышленное сословіе», испытавъ тщетность кроткихъ увѣщаній, вынуждено будетъ болѣе строгимъ голосомъ напомнить абсолютизму о томъ, что *tempora mutantur et nos mutamur in illis* *).

*) У насъ обыкновенно думаютъ, что разъ правительство вводитъ покровительственный таможенный тарифъ и не скуится на субсидіи той или иной акціонерной компаніи, то значитъ, наша буржуазія не имѣетъ никакихъ причинъ быть недовольной имъ. Это взглядъ совершенно ошибочный. Однихъ добрыхъ намѣреній въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, еще недостаточно: нужно *умѣнье*, а его то и нѣтъ у нашего правительства. И. С. Аксаковъ, котораго въ этомъ случаѣ вдохновляло наше московское купечество, утверждалъ, напримѣръ, въ своей «Руси» (отъ 30 октября 1882 г.), что всѣ усилія нашихъ купцовъ и промышленниковъ найти новые внѣшніе рынки для сбыта своихъ товаровъ «не только встрѣчаютъ слабую поддержку со стороны русской администраціи, но можно сказать—безпрестанно парализуются отсутствіемъ ясно сознанный общей торговой политики въ нашемъ правительствѣ». Отсутствіе это онъ объяснялъ тѣмъ совершенно вѣрнымъ соображеніемъ, что „таковъ уже нашъ бюрократическій строй, въ которомъ всѣ части управленія распредѣлены по вѣдомствамъ въ ущербъ цѣлому, и каждое вѣдомство чуть не государство въ государствѣ“. Въ доказательство онъ приводитъ такіе доводы. «Министерство финансовъ, напримѣръ, вырабатываетъ и устанавливаетъ цѣлую систему поощреній и поддержекъ русской промышленности и торговли, между прочимъ и тарифъ для ввозимыхъ въ Россію иностранныхъ товаровъ, а желѣзнодорожныя управленія, которыя вѣдаетъ другое министерство, министерство путей сообщенія, устанавливаетъ такой привозный желѣзнодорожный тарифъ, который приводитъ тарифныя комбинаціи министерства финансовъ къ совершенному нулю и покровительствуетъ иностранной торговлѣ въ ущербъ русской. А третье министерство, внутреннихъ дѣлъ, вѣдающее не искусственные, а натуральные дороги, запускаетъ и доводитъ до непроизводительности важный старинный торговый трактъ; а министерство иностранныхъ дѣлъ вдругъ заключитъ какой-либо трактатъ безъ

Г. Тихомировъ, когда-то превозносившій «настоящаго» крестьянина, какъ грозную революціонную силу, указываетъ теперь на его реакціонныя свойства, какъ на нѣчто само собою подразумѣвающееся. Именно «мужичка» имѣетъ онъ въ виду, когда говоритъ, что десятки и десятки миллионовъ населенія не хотятъ у насъ слышать ни о чемъ, кромѣ самодержавія. Подобно прокурору въ шуточномъ стихотвореніи «Рѣчь Желеховскаго», онъ готовъ умилнымъ голосомъ воскликнуть теперь:

«Христу благодареніе,
Въ мужичкѣ для насъ спасеніе!

И дѣйствительно, мужичекъ спасъ бы г. Тихомирова и его выпѣшнихъ «единомышленниковъ», если бы г. Тихомировъ и его выпѣшніе единомышленники могли спасти мужичка, завѣщаннаго намъ добрымъ старымъ временемъ. Но «его не спасетъ никакая ужь сила».

Развитіе товарнаго и капиталистическаго производства радикально измѣнило бытъ трудящагося населенія Россіи. Нашъ московскій и петербургскій деспотизмъ опирался на неразвитость сельскаго населенія, которое жило при экономическихъ условіяхъ, восходившихъ, по вышеприведенному выраженію Рамбо, чуть ли не къ XI вѣку. Капитализмъ привелъ къ полному разстройству нашихъ старыхъ патріархальныхъ деревенскихъ отношеній. Г. И. Успенскій, съ фотографической вѣрно-

внимательнаго соображенія съ русскими торговыми интересами (хотя бы допустивъ, на примѣръ, въ Берлинскомъ трактатѣ обязательство для Болгаріи руководиться турецкимъ тарифомъ, самымъ неблагопріятнымъ для Россіи и самымъ благопріятнымъ для Англіи съ Австріей) и т. д. и т. д.). Въ слѣдующемъ № «Руси» Аксаковъ утверждалъ, что всякое огражденіе интересовъ русской промышленности нашимъ предпринимателямъ приходилось брать „просто съ боя, т. е. послѣ долгихъ и упорныхъ настоятельствъ“. Тамъ же, по поводу вопроса о кавказскомъ транзитѣ, редакторъ славянофильскаго органа, котораго, повторяемъ, вдохновляли въ этомъ случаѣ московскіе фабриканты, говорить, что „нашъ промышленный міръ“, недовольный направлениемъ, приданнымъ этому вопросу въ Петербургѣ, „притыженъ, смущенъ, скорбитъ духомъ и уже утратилъ всякую надежду на энергическую поддержку русскихъ національныхъ (sic) интересовъ въ петербургской официальной сферѣ“. Кажется ясно!

стью изобразившій «настоящаго» мужика въ своихъ очеркахъ, признается, что этому мужику уже не долго жить на свѣтѣ; что старые деревенскіе порядки разлагаются; что въ деревнѣ образуются два новыя «сословія»: буржуазія и пролетаріатъ, который по мѣрѣ своего возникновенія, покидаетъ деревню и идетъ въ города, въ промышленные центры, на фабрики и заводы.

Что развитіе пролетаріата революціонизируетъ общественныя отношенія—это извѣстно всякому, даже не обучавшемуся въ семинаріи. Всѣ знаютъ, какую роль игралъ рабочій классъ въ новѣйшей исторіи Европы. Въ современномъ европейскомъ обществѣ, гдѣ господствующіе классы представляютъ отвратительнѣйшее зрѣлище лицемерія, лжи, разврата, обмана, биржесвыхъ спекуляцій и политической подкупности, онъ является единственной опорой и единственной надеждой всѣхъ искреннихъ и мыслящихъ сторонниковъ прогресса. Въ нашемъ отечествѣ образованіе этого класса имѣетъ еще большее значеніе. Съ его появленіемъ измѣняется самый характеръ русской культуры, исчезаетъ нашъ старый, *азиатскій* экономическій бытъ, уступая мѣсто новому, *европейскому*. Рабочему классу суждено завершить у насъ великое дѣло Петра: довести до конца процессъ *европеизаціи Россіи*. Но рабочій классъ придастъ совершенно новый характеръ этому дѣлу, отъ котораго зависитъ самое существованіе Россіи, какъ цивилизованной страны. Начатое когда-то *сверху* желѣзной волей самаго *беспотичнаго* изъ русскихъ *правителей*, оно будетъ закончено *снизу*, путемъ *освободительнаго* движенія самаго *революціоннаго* изъ всѣхъ классовъ, какіе только знала исторія. Герценъ замѣчаетъ въ своемъ «Дневникѣ», что въ Россіи, собственно говоря, нѣтъ народа, а есть только колѣнопреклонная толпа и палачъ. Въ лицѣ рабочаго класса въ Россіи создается теперь *народъ* въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Въ его лицѣ трудящееся населеніе нашего отечества впервые встанетъ во весь ростъ и позоветъ къ отвѣту sloixъ палачей. Тогда пробьетъ часъ русскаго самодержавія.

Такимъ образомъ, неотвратимый ходъ историческаго развитія разрѣшаетъ всѣ тѣ противорѣчія, которыя характеризовали у насъ положеніе не только революціонной, но и вообще всякой «интеллигенціи». Русская «интеллигенція» сама есть плодъ, хотя,

правда, совершенно печальный, петровскаго переворота, т. е. начавшагося съ тѣхъ поръ обученія молодежи въ «школахъ и академіяхъ». Устроенныя болѣе или менѣе по европейски, школы эти прививали обучающемуся въ нихъ юношеству многія европейскія понятія, которымъ на каждомъ шагу противорѣчили русскіе порядки и прежде всего практика самодержавія. Понятно поэтому, что часть русскихъ образованныхъ людей, не удовлетворяясь величественной перспективой табели о рангахъ, становится въ оппозиціонное отношеніе къ правительству. Такъ образовался у насъ слой, обыкновенно называемый интеллигенціей. Пока этотъ слой существовалъ на социальной основѣ, восходившей чуть-ли не къ одиннадцатому столѣтію, до тѣхъ поръ онъ могъ «бунтовать» и увлекаться, какими ему угодно утопіями, но не могъ ровно ничего измѣнить въ окружающей его дѣйствительности. Въ общемъ ходѣ русской жизни этотъ слой былъ слоемъ «лишнихъ людей», онъ весь представлялъ собою какую то *«умную ненужность»*, какъ выразился Герценъ о нѣкоторыхъ изъ принадлежавшихъ къ нему разновидностей. Съ разрушеніемъ старой экономической основы русскихъ общественныхъ отношеній, съ появленіемъ у насъ рабочаго класса дѣло измѣняется. Идя въ рабочую среду, неся науку къ работникамъ, пробуждая классовое сознаніе пролетаріевъ, наши революціонеры изъ «интеллигенціи» могутъ стать могучимъ факторомъ общественнаго развитія, — они, которые нерѣдко въ полномъ отчаяніи опускали руки, напрасно мѣняя программу за программой, какъ безнадежный больной напрасно бросается отъ одного медицинскаго снадобья къ другому. Именно въ средѣ пролетаріата русскіе революціонеры найдутъ себѣ ту *«народную»* поддержку, которой у нихъ не было до послѣдняго времени. *Сила* рабочаго класса спасетъ русскую *«революцію»* отъ *обезсилія*, о которомъ теперь съ довольной улыбкой на устахъ говорятъ г. Тихомировъ и его «единомышленники». «Единоличные бунты», дѣйствительно не способные разрушить какую бы то ни было политическую систему (а всякое движеніе *одной* «интеллигенціи» есть не болѣе, какъ извѣстное число «единоличныхъ бунтовъ»), эти единоличные бунты сольются съ массовымъ *«бунтомъ» цѣлаго класса*, какъ отдѣльныя ручейки сливаются съ широкою рѣкою.

Теперь есть еще время, теперь *пока еще не поздно*. Пойметъ ли наша «интеллигенція» свое положеніе, сумѣетъ ли она войти въ ту благодарную роль, которую отводить для нея исторія?

Пойметъ или нѣтъ, но событія ждуть ея не стануть. Отсутствие союзниковъ изъ «интеллигенціи» не помѣшаетъ нашему рабочему классу сознать свои интересы, понять свои задачи, выдвинуть вожаковъ изъ своей собственной среды, создать свою собственную, *рабочую интеллигенцію*. Такая интеллигенція не измѣнитъ его дѣлу, не оставитъ его на произволь судьбы.

Нужно, однако, еще разъ замѣтить, что въ своей борьбѣ съ самодержавіемъ рабочій классъ будетъ, по всей вѣроятности, не одинъ, хотя, разумѣется, только онъ одинъ способенъ придать ей рѣшительный оборотъ. Само положеніе дѣлъ необходимо будетъ толкать на *посильную для нея* борьбу всю нашу буржуазію, т. е. наше «общество», нашъ торгово-промышленный міръ, нашихъ помѣщиковъ, этихъ дворянъ въ мѣщанствѣ, и, наконецъ, даже деревенское «третье сословіе».

Колупаевы и Разуваевы до такой степени нелѣпы и консервативны, что на первый взглядъ кажется, будто они призваны служить въ будущемъ незыблемой основой «порядка». Со временемъ они дѣйствительно войдутъ въ эту роль, но они по необходимости должны предварительно пережить свой «періодъ бурныхъ стремленій».

Наша финансовая система основана на закрѣпощеніи крестьянина государству, которое беретъ отъ него «все, что угодно представить», руководствуясь не хитрымъ соображеніемъ: «енѣ достанетъ!» Всевыносящій «енѣ» долго оправдывалъ эту лестную для него увѣренность, но теперь и его удивительная способность къ «доставанію» приходитъ въ упадокъ. Какъ мы уже сказали, «енѣ» переживаетъ процессъ дифференціаціи, превращаясь въ пролетарія, съ одной стороны, и въ кулака — съ другой. Такъ какъ изъ легкомысленныхъ пролетаріевъ не много можетъ выбить самое усердное и бдительное начальство, то тяжесть лежащихъ на общинѣ податей все болѣе и болѣе падаетъ на зажиточныхъ общинниковъ. Правда, тѣ стараются вознаграждать себя присвоеніемъ брошенныхъ пролетаріями участковъ; однако, не трудно понять, что они, по отношенію къ податямъ

и налогамъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ являть изъ себя такихъ безсеребренниковъ, какимъ былъ добрый старый «енъ». Въ своемъ простодушии, «енъ» мечталъ лишь о томъ, чтобы вести самостоятельное хозяйство, и когда ему удавалось это, — а при старыхъ порядкахъ это удавалось ему въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ, — его можно было закрѣпить государству, отбирая всѣ извѣстныя и неизвѣстныя экономистамъ категоріи дохода, кромѣ самой жалкой заработной платы. Кулакъ не можетъ удовольствоваться такой платой. Онъ долженъ отдать ее своему батраку, а для себя ему нужно обезпечить *приличную прибыль*. Но это немыслимо безъ коренныхъ измѣненій въ русскомъ финансовомъ хозяйствѣ, измѣненій, которыя будутъ подъ силу лишь представителямъ всей страны. И не нужно быть пророкомъ, чтобы напередъ знать, что по этому поводу произойдутъ сильныя неудовольствія между кулакомъ и самодержавнымъ правительствомъ.

Такъ русскій абсолютизмъ подготовлялъ и подготавливаетъ свою собственную гибель. Недалеко то время, когда онъ сдѣлается совершенно невозможнымъ въ Россіи, и, ужъ конечно, не много найдется у насъ образованныхъ людей, которые пожалѣютъ объ этомъ. Можно и даже полезно спорить относительно того, какими путями добиваться намъ политической свободы. Но между честными и развитыми людьми не можетъ быть вопроса о томъ, — нужна-ли намъ эта свобода? «Мы достаточно знаемъ, что такое нашъ старый абсолютизмъ. Поэтому, прочь всякіе компромиссы! Прочь всякая нерѣшительность! За горло его и колѣно ему на грудь *)!»

V.

Въ заключеніе, еще два слова по поводу нашего Греча. Читатель видитъ теперь, въ чемъ долженъ былъ состоять и въ чемъ будетъ состоять прогрессъ нашихъ революціонныхъ теорій. Какъ мы замѣтили выше, наши социалисты-народники всевозможныхъ фракцій и направленій, до партіи «Народной Воли» включительно, *не опирались* на эволюцію, а *оттира-*

*) Слова Лассаля изъ его рѣчи: Was nun?

лись отъ нея всевозможными софизмами. Ихъ ученія представляли собою идеализацію того экономического строя, который—будь онъ въ дѣйствительности такъ проченъ и непоколебимъ, какъ имъ казалось—навсегда осудилъ бы ихъ на полное безсиліе. Критика народничества была, поэтому, первымъ и необходимымъ шагомъ впередъ по пути дальнѣйшаго развитія нашего революціоннаго движенія. Если г. Тихомирова серьезн огорчало неумѣнье русскихъ революціонеровъ согласить эволюцію съ революціей, то ему стоило лишь взяться за эту критику. Онъ поступилъ какъ разъ наоборотъ. Онъ не критиковалъ народничества, онъ только довелъ до крайности его основныя положенія. Ошибки, лежавшія въ основѣ народническаго міросозерцанія, достигли въ его головѣ такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что онъ развѣ въ шутку можетъ называть себя «работникомъ прогресса» (мирнаго или не мирнаго—это въ данномъ случаѣ все равно). Короче, если народники исходили изъ нѣкоторыхъ ошибочныхъ положеній, то г. Тихомировъ, доведя до уродства эти ошибочныя положенія, счастливо исходитъ теперь прямо изъ абсурда. Но не далеко уѣдетъ онъ на этомъ конѣ!

Такова печальная исторія «революціонизма» нашего автора. Этотъ «революціонизмъ» долго пребывалъ въ полномъ теоретическомъ одиночествѣ, но пришло время, когда онъ увидѣлъ, что ему «не добро быть единому», и пожелалъ вступить въ законный бракъ съ той или другой теоріей эволюціи. Нѣсколько лѣтъ «отыскивалъ» онъ себѣ подходящую партію и, наконецъ, съ любовью остановилъ свои взоры на теоріи «единенія партіи со страной». Сія весьма скромная съ виду дѣвица, выдававшая себя за самую настоящую, такъ сказать, столбовую теорію эволюціи, оказалась, во-первыхъ, злою женой, вогнавшей въ гробъ «революціонизмъ» г. Тихомирова, а во вторыхъ—самозванкой, не имѣющей ничего общаго ни съ какимъ ученіемъ о социальномъ развитіи.

И г. Тихомировъ воображаетъ, что въ этой исторіи очень много поучительнаго! Она поучительна, но только въ самомъ нелестномъ для него смыслѣ.

Онъ воображаетъ, что, прочитавши брошюру «Почему я пересталъ быть революціонеромъ», всякій читатель скажетъ себѣ:

это ясно само собою, авторъ былъ революціонеромъ лишь по винѣ другихъ, лишь благодаря тому, что все наши образованные люди отличаются крайне нелѣпыми привычками мысли; а пересталъ быть революціонеромъ г. Тихомировъ, благодаря выдающимся особенностямъ своего «созидательнаго» ума и замѣчательной глубинѣ своего патриотизма. Но увы!—такого заключенія не сдѣлалъ даже «Русскій Вѣстникъ».

Въ жалобахъ г. Тихомирова на непріятности, пережитыя имъ отъ революціонеровъ по поводу его «эволюціи», сквозить гордое сознаніе своего превосходства. Онъ умнѣе другихъ; другіе не поняли, не оцѣнили и ужасно обижали его въ то время, когда должны были бы аплодировать ему.

Но г. Тихомировъ жестоко ошибается. Своей «эволюціей» онъ обязанъ лишь своей *неразвитости*. Горе отъ ума—не его горе. Его горе есть *горе отъ невѣжества*.

И этотъ-то человѣкъ, имѣющій о социализмѣ ровно столько же понятія, сколько его имѣетъ любой писецъ петербургскаго полицейскаго участка, долгое время считался пророкомъ и истолкователемъ какого-то особаго, «русскаго» социализма, который онъ охотно противопоставлялъ—западно-европейскому! Революціонная молодежь внимала его разсужденіямъ, считая его продолжателемъ дѣла Желябова и Перовской. Теперь она видитъ, каковъ былъ этотъ мнимый продолжатель. Измѣна г. Тихомирова заставила нашихъ революціонеровъ критически отнестись къ его *особѣ*. Но этого мало. Они обязаны теперь критически провѣрить все, *что писалъ* г. Тихомировъ во все продолженіе восьмидесятихъ годовъ, когда онъ, самъ не вѣря тому, что говорилъ, считалъ, однако, нужнымъ выступать въ литературѣ въ качествѣ революціонера *). Много вздору наговорилъ, много вопросовъ запуталъ въ теченіе этого времени г. Тихомировъ. И пока мы не разберемся въ этой путаницѣ, до тѣхъ поръ мы,

*) См. стр. 8 его брошюры. „Вѣрой и правдой, по совѣсти и убѣжденію“ г. Тихомировъ „прослужилъ“ революціонному дѣлу лишь „до почти конца 1880 года“. Съ этихъ отдаленныхъ временъ у него оставалась одна лишь „формальная“ вѣрность знамени. Но это не помѣшало ему написать множество разсужденій на революціонныя темы, разсужденій, которыя, по его словамъ составляютъ „болѣе 600 страницъ мелкаго шрифта“.

даже разорвавъ съ нимъ всякія сношенія и оцѣнивши его по заслугамъ, все таки не избавимся отъ *теоретической тихомировщины*, отъ которой намъ, однако, необходимо *избавиться*.

Теперь прощайте, г. Тихомировъ. Да пошлетъ вамъ здоровья нашъ православный Богъ, а нашъ самодержавный богъ да наградятъ васъ генеральскимъ чиномъ!

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Г. В. Плехановъ. „Анархизмъ и социализмъ“. Пер. съ нѣм.
Цѣна 20 к.

Г. В. Плехановъ. „О задачахъ социалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи“. Перепеч. безъ измѣн. съ женева. изд.
Ц. 20 коп.

Г. В. Плехановъ. „Всероссійское разореніе“. Перепечатано безъ измѣненій съ женева. изданія. Ц. 15 коп.

Г. В. Плехановъ. „Социализмъ и политическая борьба“. — „Еще разъ социализмъ и политическая борьба“. Ц. 25 к.

Г. В. Плехановъ. „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи“ (Изъ „Соціалдемократа“). Ц. 15 к.

Г. В. Плехановъ. „Лассаль“. Ц. 15 к.

Г. В. Плехановъ. „Новый защитникъ самодержавія“ или „Горе г. Тихомирова“. Перепечатано съ женева. изданія.
Ц. 15 к.

Г. В. Плехановъ. „Патріотизмъ и социализмъ“. Ц. 4 к.

Л. Дейчъ. „Кровавые дни“. Ц. 5 к.

Я. Стефановичъ. „Неприкосновенность личности“ („Naveas Cognus“). Ц. 4 к.

К. Саблина. „Женщина—работница“. Ц. 5 к.

Карль Марксъ. „Наемный трудъ и капиталъ“. Съ двумя приложеніями. Переводъ и предисловіе Л. Дейча, подъ редакціей Г. В. Плеханова. Ц. 10 к.

Карль Марксъ. „Первый манифестъ Международнаго товарищества рабочихъ“. Ц. 2 к.

Карль Марксъ. „Классовая борьба во Франціи отъ 1848 до 1852 г.“. Съ введеніемъ Ф. Энгельса. Перев. подъ ред. Б. Кричевскаго. Ц. 15 к.

Карль Марксъ. „Рѣчь о свободѣ торговли“. Переводъ и предисловіе Г. В. Плеханова. Ц. 10 к.

Карль Марксъ. „Нищета философіи“. Перев. подъ редакціей М. Филиппова. Ц. 20 к.

Карль Марксъ. „Грей, какъ предшественникъ Прудона“. Переводъ подъ редакціей М. Филиппова. Ц. 8 к.

Карль Марксъ. „Кэри и Бастіа“. Перев. съ нѣм. А. Финна-Енотаевскаго. — „Марксъ объ искусствѣ“. Очеркъ А. Финна-Енотаевскаго. — Ц. 10 коп.

Фр. Энгельсъ. „Бакунисты за работой“. Переводъ подъ редакціей Н. Ленина. Ц. 5 коп.

Фр. Энгельсъ. „Крестыянская война въ Германіи“. Переводъ подъ ред. Финна-Енотаевскаго. Ц. 25 коп.

„Марсельеза пролетаріевъ“. Сборникъ пѣсенъ и стихотвореній. Ц. 20 коп.

Ф. Лассаль. „Программа работниковъ“. — „О сущности конституціи“. — „Что же дальше?“ — Съ двумя приложеніями: Бернштейнъ: Л а с с а л ь; Бебель: Л а с с а л ь. 128 стр. Ц. 20 к.

А. Коллонтай. „Классовая борьба“. Ц. 10 к.

К. Каутскій. „Соціальная революція“. „На другой день послѣ революціи“. Переводъ подъ редакціей Н. Ленина. Ц. 20 коп.

К. Каутскій. „О еврейскомъ пролетаріатѣ“. Ц. 2 коп.

К. Каутскій. „Къ аграрному вопросу въ Россіи“. Ц. 2 к.

Г. В. Плехановъ. „Дневникъ социальдемократа“, № 1. Ц. 5 к.

Г. В. Плехановъ. „Дневникъ социальдемократа“, № 2. Ц. 5 к.

Г. В. Плехановъ. „Дневникъ социальдемократа“, № 3. Ц. 5 к.

Г. В. Плехановъ. „Дневникъ социальдемократа“, № 4. Ц. 5 к.

Г. В. Плехановъ. „Дневникъ социальдемократа“, № 5. Ц. 5 к.

Экштейнъ. „Рабочій вопросъ въ Японіи“. — „Охрана труда въ Японіи“. — „Китайскіе кули“. — Пер. подъ ред. Д. Лещенко. Ц. 10 коп.

Л. Крживицкій. „Генезисъ идей“. — „Распространеніе идей“. — „Прошедшее и настоящее“. — Ц. 20 коп.

Г. Куновъ. „Соціологія, этнологія и материалистическое пониманіе исторіи“. Переводъ съ нѣмецк. Р. Рейна. Ц. 10 к.

Г. Роландъ-Гольстъ. „Мистицизмъ въ современной литературѣ“. Переводъ Салитанъ. — „Метерлинкъ“. (Мистицизмъ и пролетарское искусство). Переводъ П. Юрихчанъ. Ц. 20 к.

Э. Вандервельдъ. „Экономическіе факторы алкоголизма“. Переводъ К. Ляпидевскаго. — „Алкоголизмъ и пролетаріатъ“. Переводъ Ш. Гермера. Ц. 10 к.

Д-ръ Р. Кальверъ. „Міровое хозяйство къ началу XX вѣка“. Переводъ съ нѣм. Ш. Гермера. Ц. 10 к.

Т. Шлезингеръ-Экштейнъ. „Женщина къ началу XX вѣка“. Переводъ съ нѣм. С. Штернъ, подъ ред. Н. П. Анненковой-Бернаръ. Ц. 20 к.

Д-ръ А. Блашко. „Проституція къ началу XX в.“. Переводъ съ нѣм. Горфинкеля. Ц. 10 к.



Книгопечатня „Знаніє—сила“
(М. Малыхъ).
Вас. островъ, 10 лин., д. 43.